

Виталий Каплан

ՈՇԱԽ Ի ՈՐՈՇ
ԻՈՍԽ

Детям до шестнадцати

Виталий Каплан
Один в поле воин

«Автор»

2013

Каплан В. М.

Один в поле воин / В. М. Каплан — «Автор»,
2013 — (Детям до шестнадцати)

Продолжение романа «Детям до шестнадцати». Кончился учебный год, начались летние каникулы, но Сане Лаптеву и его друзьям по отряду «Ладонь» скучать некогда, у них появляется множество проблем — иногда печальных, иногда трагикомичных, а подчас — смертельно опасных. И вновь Саня осознаёт, что самые простые решения не всегда оказываются самыми верными, что могущество — это не только инструмент, но и соблазн, что сила может быть в слабости, а помощь может прийти оттуда, откуда её никак не ждёшь. Текст представлен в авторской редакции.

© Каплан В. М., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Часть первая. Рыжий заяц	5
1.	5
2.	10
3.	16
4.	24
5.	32
6.	38
7.	46
8.	53
Конец ознакомительного фрагмента.	59

Виталий Каплан

Один в поле воин

Часть первая. Рыжий заяц

1.

– Хорош бездельничать! Лиска, к тебе тоже относится! Чай потом, а мы вроде по делу собрались!

Лёша не то что бы злился, но был сегодня какой-то дёрганный. А чего суетиться? Времени шесть, на улице 26 мая, и температура такая же – 26 по Цельсию. Солнышко светит, одуванчики – не все, но многие, – уже состарились, поседели. А главное, кончились школьные занятия. Неделя практики – и всё, каникулы! Да и практика чепуховая: таскать мебель под руководством школьного завхоза Анатолия Петровича, красить железный забор, пропалывать сорняки на цветочных клумбах. Три часа в день, и свободен. Радоваться надо, а не избрировать!

Впрочем, Лёша-то в десятом, у них переводные экзамены, дело нервное. Аньке ещё хуже, у неё девятый класс, ГИА, и вообще из двух девятых сделают один десятый. А всем остальным далеко до этих взрослых проблем. Ваньке так вообще три корзины счастья – и каникулы уже, без всяких там практик, и пять лет волшебства осталось.

Саня помрачнел. Обидно было думать, что уже через полгода Лёша из «Ладони» уйдёт, и если случайно встретишь его на улице – лучше не рисковать, лучше перейти на другую сторону! И всё равно... через три года... или даже меньше... Вот что, если бы какие-то строгие врачи в белых халатах сказали ему: «Так, Лаптев! Жить тебе осталось три года, а после – тью-тью»? Конечно, и без волшебства люди как-то существуют... но это всё равно как цветной фильм очернобелить. Выделить дорожку, наложить эффект... некоторым даже нравится.

Но предаваться мрачным мыслям было некогда. Лёша рвался начать сбор, и пришлось отставить недопитый чай, срочно дожевать круасан и встать в круг.

– У нас так принято, – накануне объясняла Лиска. – Ну, чтобы чувствовать: мы не просто компашка, а волнорезовский отряд. Со стороны, может, и смешно выглядит...

Сане это смешным не казалось. Наоборот, когда он положил левую руку на плечо Полине, а на его плечо легла Димина рука, стало вдруг до пронзительной боли ясно: они все – вместе, они все – «Ладонь».

– Мы – «Ладонь»! – ломающимся баском произнёс Лёша. – Мы – «Волнорез»! Мы волшебники! Наш долг – защищать и спасать!

– Защищать и спасать! – хором отозвались все, и Саня тоже.

– Наша сила – добрая сила! – продолжал Лёша. – Мы режем волны зла! Мы на страже!

– Мы на страже! – повторили остальные. Лёша метнулся к выключателю, и стало темно.

– Активируй волшебство! – шепнул сзади Дима, и Саня послушно коснулся белого шарика. Видимо, то же сделали и другие, потому что в темноте зажглось семь разноцветных огней. Вернее, восемь, считая белый шарик.

– Мы – «Ладонь»! – возвестил Лёша и зажёл свет.

– Всё, гаи волшебство, – весело сказал Дима. – Ритуал закончен. Без ритуалов нам, понимаешь ли, невозможно. Прямо как у скаутов или раньше у пионеров.

– Зато классно! – высказался услышавший его Ванька, и Саня молча с ним согласился. – Мне поровну, на кого похоже, если оно хорошо. Вот ты мороженое ешь, рожок в шоколаде, и тебе вкусно! А такой рожок ещё сто миллионов едят, и чем это тебе мешает?

– Ну ты философ! – легонько хлопнул его Дима по затылку.

– Звягинские гены! – согласился Серёга. – Наш дедушка, между прочим, преподавал философию в пединституте.

– Всё, народ, начинаем! – оборвал их Лёша. – Мы ж сегодня не просто так собрались, типа давно не виделись и всё такое. Сбор по просьбе Ани. Там есть проблемы, будем решать. Как, Ань, сама расскажешь, или я изложу?

– Да уж ладно, – тяжело вздохнула Аня. Поправила складку на сиреневой блузке и начала: – В общем, так. Есть у меня друг, зовут Костя, тоже девятый кончает, но в другой школе. Мы с ним ещё позапрошлым летом познакомились. Он вообще парень нормальный, и учится хорошо, и веб-дизайном серьёзно занимается, несколько сайтов сделал... Но тут такая засада... В общем... Я это ещё в марте заметила, но всё не верила... Короче, он употребляет. В смысле, наркотики. Кто-то его подсадил... а он всё отрицает, но я же вижу. Короче, он ведь ещё ребёнок, шестнадцати же нет. И в беде. Надо как-то выручать. А как, я не знаю. Вот.

Несколько секунд все молчали. Сانه тут же вспомнилась программа «Поберегись», где иногда показывали всякую жуть про детей-наркоманов. Мама даже порывалась прогнать его от телевизора, но папа вступился: «Не маленький уже, пусть знает». И вот сейчас оказалось, что это не где-то там, по ту сторону экрана, а почти здесь. В трёх метрах сидит на табуретке Аня, и так же рядом с ней сидел неизвестный пока девятиклассник Костя... может, ещё и ближе сидел.

– Кто-нибудь с этим сталкивался? – разорвал тишину Лёша. – В смысле, по нашей, волнорезовской теме, а не по телеку?

Молчание повисло в воздухе, как осенняя паутина.

– Вот когда я только-только в «Ладонь» пришёл, – не дождавшись ответа, продолжил Лёша, – что-то такое у нас было. Только меня к этому не подтягивали, этим Игрек занимались с Денисом. Три года назад было... Короче, не знаю, что и как они делали, поэтому нам придётся всё самим решать. Есть у кого идеи?

– Есть! – заявил Дима. – Надо за Костей последить, узнаем, у кого закупается дрянью, потом разберёмся с гадами...

– Ремнём придушим... – ехидно напомнила Лиска. – Головой в унитаз окунём... Покажем самим себе, какие мы крутые, да? А толку? Главное же не с дилерами разобраться, а Косте помочь.

– Если ему перекрыть каналы поступления, – ничуть не смутившись, возразил Дима, – то у него мозги проявятся, на какое-то время, и вот тогда можно его повоспитывать...

– Ерунда это всё! – заметил Серёга, оглаживая свой планшет. – Я тут быстренько в сеть слазил, посмотрел насчёт каналов поступления. Короче, сейчас не как десять лет назад, сейчас нехорошие дяденьки не подходят к детишкам на улице и не предлагают хрень за денежку. Сейчас всё сложнее. То есть дистанционно. Этот наш Костик может просто послать эсэмэску на какой-то номер, который ему кто-то подсказал... и получит в ответ номер счёта в яндекс-деньгах или киви. В любом терминале положит туда сколько надо, получит в ответ эсэмэску с указанием места, где для него уже гостинец лежит. И поэтому никаких дилеров за руку не схватишь. Даже волшебством. Я вот без понятия, как волшебством человека вычислить по номеру телефона.

– С другими отрядами, может, посоветоваться? – подсказала Полина. – Вдруг там уже есть такой опыт?

– Не надо! – попросила Аня. – Чтобы вся Москва про моего Костю узнала? Я и так уже вся измучилась, пока решилаась вам рассказать... а чтобы весь «Волнорез» был в курсе? Давайте всё-таки пока сами попробуем, и если уж совсем никак...

– Последить за Костей по-любому стоит, – задумчиво протянул Лёша. – Во-первых, надо всё-таки проверить, где берёт... может, всё и не так, как в инете пишут. Во-вторых, вообще про него надо понять, что он за пацан, почему подсел.

– А вот поговорить с ним придётся обязательно, – вставила Лиска. – Погладить мозги, объяснить, что это смертельно опасно...

– А то типа он сам не знает, – оскалился Дима. – Сейчас все грамотные. Нет уж, говорить с ним будем, но не сюсюкать и манной кашкой кормить. Жёстко говорить надо. Напугать как следует! Чтобы при одной мысли о наркотиках у него кишки слипались!

– Это как тогда с Ромкой? – тихонько спросил его Саня.

– Нет, гораздо жёстче! – оскалился Дима. – Вот примерно как с Русланом этим твоим поговорили... Хотя ты ж этого не видел...

– И правильно, что не видел, – вставил Лёша. – Мне и то вспоминать не слишком приятно. Я ж по натуре белый и пушистый, в отличие от некоторых...

– Ага, белый и пушистый... как снежный барс, – Дима хлопнул себя по обеим коленкам – видно было, что его переполняют эмоции. – Как даст когтистой лапой, как порвёт горло... а потом типа милый котик.

– Белый и пушистый – это не только барс бывает, – глубокомысленно заявил Ванька. – А ещё и один мелкий, но хищный полярный зверёк. Он если придёт, то всё, сушите сухари и вёсла.

– Не отвлекаемся! – одёрнул его Лёша. – Как будем говорить с Костей, ещё успеем продумать. Да, наверное, жёстко. Наверное, надо будет что-то такое специально сочинить... спектакль какой-то разыграть. Тут у нас полно творческих людей, скреативят. Но сперва всё-таки пару дней надо за ним последить. Как обычно, завесы, подслушки-подглядки, дома у него побывать, конечно. Потом встречаемся и решаем, что делать дальше. Осталось понять, кто конкретно займётся.

– Я не смогу! – тут же заявила Аня. – Во-первых, ну вот как это я за своим другом буду подсматривать? Во-вторых, у меня, между прочим, ГИА, готовиться надо, а у меня там такие завалы...

– А я вообще считаю, что следить за человеком – это низость! – вставила Лиска. – Ну да, иногда без этого никак, но можно чтобы не я? Я после такой слежки, может, целый год писать стихи не могу, стыдно будет!

– А меня завтра на дачу увезут, – хмуро сообщила Полина. – На всё лето! И тут ничего не поделать, у меня мама с папой непрошибаемые. «Ребёнку нужен свежий воздух», – издевательски протянула она.

– Ну, кто тогда остаётся? – спросил Лёша. – Димка, ты как?

– Увы, никак, – вздохнул Дима. – Папа вчера приехал из Новосибирска, досрочно, больной совсем. Опять что-то с почками. Короче, не тот сейчас момент, чтобы по улицам гонять... мало ли что потребуется, в аптеку там, или приготовить, или «скорую»... Бабушка пока на даче, мы с папой ей говорить не стали, зачем расстраивать раньше времени? Так что я типа с больным сижу.

– Значит, придётся запрячь младшее поколение, – подытожил Лёша. – Я-то сам по уши в экзаменах, на минуточку. И плюс к тому все утра у меня заняты, вы ж знаете.

– А можно не меня? – сейчас же вклинился Серёга. – У меня важные исследования по «Волне», и подводить нельзя. Всю ту неделю эксперименты ставим.

– Значит, остаются Саня и Ваня, – сухо сказал Лёша. – У вас, молодёжь, тоже отмазки есть?

– У меня нет! – улыбнулся Ванька. – У меня каникулы и свобода! До сентября!

– Да, в общем, у меня пока тоже без особых напрягов, – сообщил Саня. – Правда, всю ту неделю практика в школе, но это только с десяти до часу... а потом гуляй.

– Ну вот и погуляете! – усмехнулся Лёша. – Изучите жизнь девятиклассника Кости... кстати, как его фамилия?

– Рожков, – сообщила Аня.

– Значит, девятиклассника Кости Рожкова. Но не увлекайтесь. Ваше дело – только разведка. Без боя. Усвоили?

– И даже языков не брать? – огорчился Ванька.

– И скальпы не снимать? – подыграл ему Саня.

– И вообще соблюдать Гаагскую конвенцию! – строго заявил Лёша. – Шутки шутками, а дело не такое уж простое. Тем более, Саня пока всё-таки новичок, а значит, есть риск головокружения от успехов. С тобой, Ваня, тоже такое бывало, и приходилось больно бить по мозгам.

– И не только по мозгам... – подтвердил Серёга.

– Вот поэтому, Саня, осторожнее. Не геройствуй. У тебя опыта пока почти ноль... кроме тренировок с Димой, ничего ты ещё не делал... Это получается первое твоё задание!

Ага, хмыкнул Саня. Ну прямо совсем ничего! Лягушек не телепортировал, волшебные пинки не раздавал, народным мстителям мозги не гладил, грозу не включал, цветок Макссовых эмоций не изучал...

Но ничего не сказал: хвастаться этими подвигами было нельзя. Потому что Лиска... «Никому! Никогда! Ни при каких обстоятельствах!». Он даже ей про турслётовские дела не стал говорить – заругает ещё... эта найдёт, к чему придраться... и к тому же хотелось устроить ей сюрприз.

Сюрприз получился наполовину. В понедельник он всё-таки притащился в школу, хотя мама уговаривала денёк посидеть. Ну как скроешь от неё наложенную Динамометром повязку? Хорошо хоть, тот предупредил: «Только про вывих лучше говорить не надо. Скажешь, что просто упал и связки потянул. Ясно? Не то затаaskaют по врачам, а оно тебе надо? Сейчас все очень мнительные стали, чуть что, сразу “Скорую” вызывают...»

– Наступать можешь? Не сильно болит? – заботливо суетилась мама. – Значит, и в самом деле растяжение... повезло тебе, что не вывих!

– Почему повезло? – заинтересовался Саня, сидя на диване с ногой, положенной на табуретку. Рядом крутился Мишка, чрезвычайно заинтересованный происходящим. «Тебя мутант покусал? – первым делом спросил он, увидев на Саниной ступне белые бинты. – Ты его победил?»

– Потому что если вывих, то вправлять нужно как минимум в амбулаторных условиях! – наставительно сказала мама. – Это должен делать хирург-травматолог. – И сперва обязательно рентген!

Саня представил, как его с больной ногой везут в какую-то районную больницу, какой поднимается шухер – и осознал народную мудрость Динамометра. Вместо всей этой чепухи – одно лишь кислое яблоко и две секунды боли. Спорить с мамой, однако же, не стал – та вполне могла заинтересоваться подробностями.

Но в школу он всё-таки вырвался – под предлогом, что должен сдать Елеше дополнительное задание, полученное в прошлый вторник. «Вы же с папой потребовали, чтобы в четверти была четвёрка? – хитро прищурился он. – Ну вот я и кручусь!» Против такого аргумента мама не нашла, что возразить.

На самом деле упражнения он сдал ещё в пятницу. Просто очень хотелось посмотреть, как Снегири выполняют его условия.

Всё вышло как-то скомкано, без спецэффектов. Саня почему-то вообразил, что перед первым уроком на доске появится надпись – «Прости нас, Жаба!», совсем как в старинном фильме «Чучело», диск с которым папа подарил на Новый год. Но доска оказалась чисто протёртой, а на перемене перед алгеброй Макс подошёл к Лиске, одиноко стоявшей у подоконника. Саня ещё подумал, что рядом с толстым кактусом в оранжевом горшке она смотрится довольно интересно... хороший получился бы кадр... и сразу придумалось название: «Портрет кактуса на фоне Лизы». Жаль, зеркалка осталась дома, да и будь она под рукой, Лиска отказалась бы сниматься. Заявила бы, что уродина и что от её вида объектив треснет.

– Слушай, Лягушкина, – подошёл к ней Макс. – Ты нас с Дашкой прости, что доводили тебя. Всё, этого больше не будет. Мы всё поняли. Дураки были.

Если Лиска и удивилась, то никак этого не показала. Посмотрела внимательно на Макса, на секунду замерла (уж не волшебничает ли, предположил Саня) и спокойно ответила:

– Принимается. Будем считать тему закрытой.

Потом был скучнейший урок ОБЖ, на котором пожилой Олег Павлович рассказывал про уличное движение. Он почти всегда про него рассказывал, нудно и путано. К счастью, ставил всем пятёрки, и класс платил ему взаимностью – не слишком борзел на его уроках.

– А почему Дашка не подошла к Лягушкиной? – шепнул Саня Макс. – Мы ж договорились вчера, что вы оба.

– Гордая она, – сухо сообщил Макс. – Говорит, ни за что не унизится. А ночью ревела...

Что ж, пусть лучше так, чем никак. Плясать на Дашиных костях и требовать громких извинений Саня не хотел. Главное, проблема решена, больше Лиску травить не будут. А если кто и попробует, по старой памяти, то пара пинков быстро приведёт его в чувство. И даже не волшебных пинков – незачем тратить драгоценную силу! – а самых обычных, ножных. Так что одним камнем на душе меньше... хотя наоборот: вместо камня в сто килограмм получился другой, в тысячу. Вот как решать проблему Снегирей?

– Твоя работа? – остановила его после последнего урока Лиска. – Ты что с ним сделал? Мозги гладил? Я же тебе сколько раз говорила – не смей!

– Не сколько раз, а всего два, – внёс точность Саня. – И ничего не гладил, это он сам. Без всяких наших штучек. Давай потом расскажу, сейчас мне на дополнительные к Борисовне...

А потом как-то не сложилось, полетели последние школьные дни, точно пух от одуванчика, приходилось крутиться, зарабатывать четвёрки и пятёрки. Дал ведь слово, и никуда не денешься.

К Саниному удивлению, учителя особо не злобствовали. Даже биологичка Светлана Викторовна – и та не стала глумиться.

– Что ж, Лаптев, лучше поздно, чем никогда, – вылетело из её тонких губ. – Заработал на свою четвёрку. Но имей в виду, на следующий год придётся напрягаться постоянно, а не только когда припечёт. Биология – это такая наука, которая всегда с тобой.

2.

Раздолбая Ваньку пришлось, конечно, ждать. Договорились в десять на ступеньках «Дружка», и Саня честно пришёл без пяти минут, хотя ради этого бежал чуть ли не целый километр. «Слома язык и высунув голову», сказала бы мама. И двадцать минут – коту под хвост. Он, конечно, набрал мелкому, но услышал про абонента, который вне зоны действия сети. Стоя на ступеньках, Саня размышлял – а не заложить ли раздолбая его старшему брату Серёге? Что за дела? Ведь не развлекаться они собрались, а на разведку – следить за Костином Рожковым. Разведка – дело военное, и тут строгость тоже нужна как в армии.

Пока Саня прикидывал, сколько бы нарядов вне очереди он дал Ваньке, тот и сам нарисовался рядом. Серая футболка с оранжевым крылатым драконом, синие джинсовые шортики, сандалии на босу ногу... ну прямо весь такой невинный ребёночек.

– Что за дела? – грозно начал Саня, и услышал в ответ:

– Ну да, я мерзкий монстр. Я проспал. Если хочешь, можешь мне дать по шее!

А глаза хитрые, а губы растягиваются в улыбке.

– Хочу! – сказал Саня. – Но отложу до удобного момента. А то вдруг здесь коллеги крутятся, увидят, что невинного ребёночка обижают...

– И превратят тебя в паука! – подхватил Ванька. – Или в вешалку для одежды.

– А что, такое возможно? – на всякий случай поинтересовался Саня. Кто знает, до чего дошло волшебство в каких-то дальних отрядах?

– Только в книжках, – огорчённо признал Ванька. – Я читал недавно, «Привратник» называется. Вот там крутые маги, мы по сравнению с ними как суслики...

– По сравнению с кем суслики? – уточнил Саня.

– Наверное, с ястребом. Хотя нет, ястреб – это из другой книжки, из «Волшебника Земноморья». Там тоже в сто раз круче нас. Вообще, везде круче... что угодно возьми... Хоть «Гарри Поттера», хоть «Властелина Колец», хоть «Дозоры»... какое-то у нас голимое волшебство. Бета-версия... или даже альфа.

– Слушай, а это ничего, что мы про всё это на улице треплемся? – забеспокоился Саня. – Лиска бы за такое по шеям надавала. Она говорит, о наших делах – только там, где нет лишних ушей.

– Да пургу она гонит, Лиска, – хихикнул Ванька. – Ну вот смотри, тут миллион людей, и у всех свои дела. Кому мы нужны, кто нас слушает? А если кто услышит, подумает, что играем, или про фильмы... А кроме того...

– Что кроме того?

– Кроме того, у меня на подвеске всегда полезная волшебка висит. Так, на всякий пожарный. Короче, если кто внимание на меня обратит, я сразу почувствую, кто и откуда. И какое внимание – просто любопытство, или со злобой, или по делу. Так что не стремись, сейчас мы на фиг никому не сдались.

– На подвеске – это как? – не понял Саня.

– Вы что, не проходили ещё этого с Димкой? – удивился мелкий. – Хотя да, ты ж меньше месяца учишься... Короче, подвеска – это когда ты какое-нибудь слабенькое волшебство включаешь и держишь активным, сколько надо. Оно напрямую от твоей волшебной силы запитывается, в режиме автомата, и можно про него не думать.

– А! – сообразил Саня. – Это же как в «С.Т.А.Л.К.Е.Р. е»! Повесил на пояс артефакт, и тебя не берёт радиация, или раны быстро заживают, или пули отклоняются...

– Ну типа того, – кивнул Ванька. – Я, правда, в такие старые игрушки не играю, у меня «Майнкрафт» стоит, он гораздо круче. Но по сути да, примерно так. Только на подвеску обычно слабые волшебки вешают, которые мало силы сосут. А если настоящую невидимость

подвесишь, или ускорение реакций, то быстро разрядишься в ноль. Понимаешь, одно дело диодный фонарик, а другое – кондиционер или стиралка. И то, и то от электричества, но мощность разная. Наверное, поэтому Дима тебе и не говорил пока... сперва научись делать волшебки в ручном режиме.

– Волшебки? – переспросил Саня.

– Ну, это у нас иногда так называют, – пояснил Ванька. – Какие-то штуки, которые волшебством делаешь. Не чудесами же их называть, правда?

Саня кивнул. Название и впрямь было хорошее.

– А завесу невидимости тоже можно на подвеску взять? – уточнил он.

– Да без проблем! – кивнул Ванька. – Она не особо много жрёт. Но только прежде чем подвески делать, надо научиться определять, сколько в тебе силы осталось. Если меньше сорока процентов, лучше вообще не волшебничать, тогда домой и спать... а лучше что-нибудь сладкое. Я вот думаю, Карлсон тоже волшебником был... иначе как объяснить такую любовь к вкусняшкам. Не случайно он конфеты на благотворительные цели собирал...

– Слушай, хватит трещать! – опомнился Саня. – Уже половина одиннадцатого, а нам ещё этого Костика искать... Ехать-то далеко?

– Ну так... – пожал плечами Ванька. – На Бауманскую, а там пешком. Это, конечно, если он дома сейчас. А если нет, найдём по пеленгу.

– По чему? – вновь не понял Саня.

– По пеленгу, – Ванька посмотрел на него как на первоклассника-двоечника. – Всё элементарно. Есть такая волшебка – берешь какую-то штуку, которую человек держал в руках... лучше всего, если любимая штука... ну там у детей игрушки, у взрослых тоже что-то типа того... ну и определяешь направление и расстояние.

– Ага! – сообразил Саня. – Это как маячок! У Димы такой настроен на одного пацанчика, которого он от злобного отчима спасает. Ему этот маячок ещё Данила повесил и передал Диме по наследству.

– Ну, пеленг – примерно так же, но не совсем, – уточнил Ванька. – Общее только то, что определяешь расстояние и направление. Маячок спецом на человека навешивают и потом силой подпитывают, чтобы не разрядился, а для пеленга сам человек не нужен, только предмет.

– А у нас есть предмет? – удивился Саня.

– Вот! – Ванька вынул из кармана авторучку, по виду явно дорогую. – Это он Аньке на Новый Год подарил.

– Ну и как мы поймём, что пеленг на Костика, а не на Аньку? – осенило вдруг Саню. – Она же тоже касалась!

– Не проблема, – успокоил Ванька. – Надо просто представлять того человека, какого ищешь. И плевать, кто ещё эту вещь трогал, на них не сработает.

– Ладно, поехали уже, – решил Саня. – Мой папа говорит: соловья баснями не кормят.

– Ага, его червяками кормят, – предположил Ванька. – Или гусеницами там, жучками. Ладно, поехали.

Они вышли на Бауманской, и Ванька сразу потянул Саню влево, за кафе «Му-му», за здание школы – туда, где дома были старыми и обшарпанными.

– Это мы к Костику домой? – уточнил Саня, удивляясь случившейся с Ванькой перемене. Если до метро он был смешливый и дурашливый и в вагоне тоже болтал всякую чушь, то сейчас вёл себя как охотничий пёс, взявший след волка. Или даже медведя.

– погоди, – свистящим шёпотом отозвался Ванька. – Не мешай... тут другое... потом объясню. Не отставай.

И устремился вглубь квартала.

Ничего не оставалось, как идти за ним. И даже не идти, а чуть ли не бежать. Что происходит, он не понимал, но чувствовал, как разливается внутри тревога. Будто звенит какой-то звоночек. То ли натянулись до предела струны нервов, то ли под обычным сердцем бешено пульсирует необычное: белый шарик.

Минут через пять обнаружилась и цель. Типовой такой дворик, детская площадка, турник, песочница, и даже голубятня – правда, пустая. Народу почти никого, если не считать народом компанию пожилых дядек с пивными бутылками. Дядьки устроились на дальней скамейке, под высокими кустами белой сирени, и негромко что-то обсуждали. Модно одетая девушка выгуливала на длинном поводке подстриженного фокстерьера. А ещё – мальчишка лет примерно восьми. Он сидел на бортике песочницы и тихонько всхлипывал, уткнувшись лицом в ладони. И всем – пивным дядькам, фокстерьеру и его хозяйке, было на него наплевать. Или не замечали, будто включена завеса невидимости.

Саня даже на всякий случай разбудил волшебство и посмотрел внимательно. Нет, никакая не завеса, цвета не поблели. Сразу вспомнилась ревущая в три ручья Катька Дроздова, на которую не обращали ни малейшего внимания прохожие. Дима потом объяснил, что это хитрая штучка – избирательная завеса. Никто Катьку не замечал – кроме Сани, ради которого и устроили весь спектакль.

Но тут, похоже, никакого театра, тут всерьёз.

– Тебя как звать? – решительно поинтересовался Ванька, усаживаясь рядом с мальчишкой. Тот вздрогнул, поднял голову.

– А тебе зачем? – голос его оказался хриплым. Наверное, так ревел, что горло чуть не сорвал, и сейчас уже сил на громкий плач не осталось.

– Да просто так! – безмятежным тоном ответил Ванька. – Меня вот Иваном зовут, а его – Александром. А у тебя что, совсем имени нет?

– Есть! – обиженно отозвался мальчишка. – Я Денис.

– Если Денис, тогда чего ревёшь? – Ванькиной улыбке позавидовал бы цирковой клоун. – Лёшки режут, Серёжки режут, Федьки и Петьки, Мишки и Гришки... а Денисы – нет. Денисы – не крысы, они не режут, а весело живут!

Всё это он выдал на одном дыхании, прямо как детскую считалочку. Мальчишка устался на него, открыв рот.

– Ну так что у тебя случилось? – уже другим голосом, сухим и деловым, начал выяснять Ванька.

– Ключ... – горько сообщил уже не ревущий Дениска. – Там остался. И кастрюля тоже... и будет пожар!

– А можно подробнее? – усевшись по другую сторону, спросил Саня.

И выяснилась печальная правда. Родителям Дениски после завтрака кто-то позвонил, и они срочно усвистали по каким-то загадочным делам, а перед уходом велели через полчаса выключить газ под кастрюлей с картошкой, и только после этого идти гулять. Даже таймер на плите выставили, чтобы растяпа-сын не забыл. Но всё пошло по наихудшему сценарию. Дениска усвистал во двор, напрочь забыв и о кастрюле, и о ключе. Замок на двери сам захлопывается, и если ты без ключа – жди, когда вернутся мама с папой. А пока они вернутся, вода может вся выкипеть, кастрюля расплавится – и начнётся пожар. Сгорит весь дом, и в этом будет виноват не кто иной, как этот курносый Дениска с растрёпанными волосами и следами зелёной масляной краски на коленках. И тогда всех посадят в тюрьму. Родителей во взрослую, его – в детскую.

– Ты знаешь, что такое МЧС? – выслушав сбивчивый Денискин монолог, спросил Ванька, и тут же, не дожидаясь ответа, продолжил: – Это Министерство Чрезвычайных Ситуаций. Когда случается чрезвычайная ситуация, сотрудники МЧС спешат на помощь. Вот у тебя чрезвычайная ситуация, да? Ну вот мы и приехали.

– Но вы же не взрослые! – недоверчиво протянул Дениска.

– Ага, – согласился Ванька. – Но сейчас у МЧС трудные времена, бюджетных денег не хватает, и поэтому кучу взрослых дядек поувольняли и наняли на работу пацанов. Платят половину зарплаты, потому что мы дети. Представляешь, какая выгода? Ладно, хватит размазывать слёзы по соплям. Пошли спасать твой дом!

Денискин дом оказался длинной белой девятиэтажкой поодаль. На фоне старинных двухэтажных домиков (один даже деревянный!) он выглядел словно кусок цивилизации в дикой природе. Ну или как в каком-то фантастическом кино (Саня пытался и не мог вспомнить названия), где в одном и том же городе смешались разные времена – и бородатые бояре с длинными пищалями, и дореволюционные городовые, и братки из девяностых годов, и главный герой, капитан милиции Долгопятов, который со всеми умел найти общий язык...

Ванька на всякий случай огляделся, потом уверенно положил ладонь на панель домофона и наугад набрал несколько цифр. Замок негромко щёлкнул.

– У каждого домофона есть секретный открывающий код, – пояснил он оторопевшему Дениске. – И мы, сотрудники МЧС, его знаем. Правда, лейтенант Лаптев?

– Так точно, капитан Звягин! – подхватил Саня.

На третий этаж поднялись и без лифта. Возле чёрной железной двери с табличкой «19» Дениска притормозил.

– Вот! – сообщил он со скорбным видом.

– Применяем секретное устройство «сезам», – всё тем же клоунским голосом сообщил Ванька, а потом достал из кармана шортов связку ключей и коснулся первым попавшимся скважины замка. Вновь раздался щелчок, и Ванька потянул на себя дверь.

– Ну, что стоишь? Входи! – сделал он мелкому приглашающий жест, и тот опрометью ринулся в квартиру. Саня с Ванькой, захлопнув дверь, на всякий случай пошли за ним следом. Вдруг там и в самом деле вся кухня уже полыхает?

Полыхать не полыхало, но запахок доносился мерзкий. Так и есть – вода в кастрюле уже успела выкипеть, картошка – обуглиться.

– Да, теперь задолбаешься её отмывать, – задумчиво протянул Ванька.

– Мне влетит! – грустно сообщил Дениска. И с надеждой посмотрел на них с Ванькой – может, офицеры МЧС и такие вопросы решают? Но Ванька его разочаровал:

– Так ведь за дело! В другой раз не будешь включать в голове режим «качан капусты». То есть не будешь забывать ключ, не будешь забывать про кастрюлю на огне. И радуйся, что по правде пожар не случился! Ладно, нам с лейтенантом пора, сегодня по городу четыре с половиной тысячи чрезвычайных ситуаций, и всюду надо успеть!

Но успеть не удалось.

В замке послышался скрежет ключа, и явились они – грозные Денискины папа с мамой.

От воплей их звенели стёкла, мелкий бледнел и лепетал, а Саня вдруг понял, на кого эти Денискины родители похожи. На чету Дурслей из фильмов про Гарри Поттера.

Ничего они слушать не хотели и из бессвязной Денискиной речи поняли одно: идиот-сын провёл в квартиру жуликов, которые намеривались вынести всё ценное.

– А ну, вывернуть карманы! – визжала пухлощёкая тётка с пышной причёской, а жирный прилизанный дядька загораживал своим телом выход из кухни.

– Послушайте, – пытался объяснить им Саня, – это недоразумение. Просто ваш сын случайно захлопнул дверь и забыл ключи, а мы его увидели и помогли...

Он запнулся. Предстояло объяснить, каким образом они проникли в квартиру, сумели открыть замок... без ключа и даже без отмычек. Тут не второклассник Дениска, тут не впарить про МЧС и секретное устройство «сезам».

Но никакие объяснения Дурслям – так Саня решил называть Денискиных родителей – не требовались. Похоже, они были из той породы людей, которым всё всегда ясно.

– Так, Раиса, звони в полицию! – распорядился дядька, и тётка, качнув клумбой на голове, удалилась вглубь квартиры.

– Сейчас, гадёныши, за вами приедут! – хищно улыбаясь, протянул дядька. – Наденут наручники, и в отделении как миленькие запоёте – кто, откуда, на кого шустрите. А ты, – цыкнул он на Дениску, – марш в свою комнату! С тобой отдельный разговор будет! Спутался, понимаешь, с бандюками...

Саня даже немножко растерялся. С одной стороны, бояться нечего, волшебство при нём, белый шарик разбужен и готов к действию. Можно что угодно сделать – надавать этому Дурслю пинков, оглушить его волной ужаса, устроить ему внезапный понос, наконец, погладить мозги... или, проще всего, накинуть им с Ванькой завесы невидимости и удалиться из этих мрачных стен. С другой стороны, вроде сейчас в их паре главный – Ванька, который, хоть и младше на два года, но гораздо опытнее как волшебник. А Ванька стоит, пялится на Дурсля и ничего не делает.

Пауза продолжалась чуть ли не целую минуту. Где-то за стеной слышался взволнованный голос Денискиной мамы, сам Дениска снова начал реветь, папа его продолжал орать, и с каждым словом щёки его приобретали всё более свекольный оттенок.

– Ладно, хватит! – недовольным тоном произнёс наконец Ванька. – Посторонитесь, мужчина!

И тут же Дурсля будто мягкой воздушной лапой отодвинуло от дверного проёма. Ванька же выпцвел, сделавшись едва ли не чёрно-белым, как на старинной фотографии. Значит, надел завесу и вложил силы по максимуму... как бы даже не настоящая невидимость!

Саня, разумеется, последовал его примеру, и они торопливо двинулись к двери. Та, впрочем, никак не отреагировала на поворот ручки – видимо, предусмотрительные Дурсли заперли её на ключ.

– Наивные, – ухмыльнулся Ванька, положил руку на дверь и замер на секунду. Потом надавил – и та широко распахнулась.

– Завесы не снимай! – предупредил он, хотя Саня и не собирался. Они ссыпались по лестнице – будто в школе, торопясь в столовую или в раздевалку. Вышли из полутёмного подъезда на яркий солнечный свет, зажмурились.

И тут Саня понял, зачем Ванька предупреждал насчёт завесы. Из переулка во двор уже выруливала белая, с синей полосой машина. Тормознула – и оттуда высыпало двое полицейских, немедленно устремившихся в подъезд. Они пронеслись чуть ли не в полуметре от Сани с Ванькой, не обратив на мальчишек ни малейшего внимания.

Завесу Ванька разрешил снять уже возле метро.

– Что это было? – спросил Саня.

– Ты про что? – непонимающе уставился Ванька.

– Ну там, в кухне? – Саня передёрнул плечами, вспоминая ор Денискиного папы. – Ты чего так долго не волшебничал? Понравился концерт?

– Да я волшебничал, – судя по Ванькиному тону, ему сейчас тоже было не по себе. – Гладил ему мозги. Только бесполезно. Он по-любому нас бы ментам сдал.

– Почему? – удивился Саня.

– Потому что такие мозги, – мрачно объяснил Ванька. – Ты, наверное, думаешь, гладить мозги – это заставить человека делать что ты хочешь? Типа как гипноз, да? Так вот, обломись! Когда гладишь мозги, человек просто становится лучше, чем только что. То есть по максимуму лучше, на его уровне. Понимаешь? Если ты гопнику мозги погладишь, он не станет как профессор. Гопник, он даже когда мирный, всё равно гопник. И никакой волшебкой ты его профессором не сделаешь. Короче, этот дядька совсем непрошибаемый. Ну, стал чуть-чуть получше... а толку? Только матерился поменьше.

– У тебя так раньше уже бывало? – поинтересовался Саня. – Когда глажка мозгов не помогает?

– Слышал про это, – смущённо ответил Ванька, – но вот чтобы так – в первый раз. Надо будет Серёге сказать, может, им в «Волне» этот дядька пригодится, для опытов.

Вновь прозвучала эта загадочная «Волна», про которую Саня всё забывал спросить. Значит, сейчас самое время.

– А «Волна» – это что? Ещё один отряд?

– Ну, не совсем, – охотно принялся объяснять Ванька. Наверное, радовался, что разговор ушёл от его свежей неудачи. – Просто это как бы такая тусовка внутри «Волнореза». Хотя они себя не любят тусой называть, а называют академией. Короче, «Волна» – это первые слоги от «Волшебной Науки», ребята в «Волне» изучают свойства волшебства. Серёга ещё в том году стал академиком. Причём ему даже особо никуда ходить не надо, это там же, при дворце детского творчества, на Воробьёвых горах... там секция астрофизики, но в ней почти все ребята – наши, волнорезовские, из разных отрядов. Они просто приходят туда раньше, чем занятия начинаются, и волшебство обсуждают... а потом, когда остальные подтягиваются, и Семён Ильич, их учитель, тогда уже чисто астрофизика, без волшебства. Ну, не только там, конечно, собираются. И у нас дома часто тусуются, и у других, и «полевые исследования» у них – это когда куда-то в парк или за город ездят и ставят разные опыты. Я просился с ними, но Серёга пока не берёт. Говорит, с тройкой по математике в «Волне» делать нечего. А у меня тройка не потому что тупой, а потому что ленивый!

Новость про «Волну» заслуживала отдельного обдумывания. Всё это было крайне интересно. Какие они опыты ставят? Чему уже научились? Что думают про волшебство – то есть откуда оно берётся? Но об этом стоило говорить уже не с мелким Ванькой, а с его по-медвежьи основательным братом Серёгой.

– Про «Волну» понял, – кивнул он. – Я только вот чего не понял: а почему, как только из метро вышли, ты на низком старте чесанул к этому Дениске? Мы ж вроде тут по другому делу...

– Почуял, – коротко объяснил Ванька, и, видя недоумённое лицо Сани, продолжил: – Это у всех наших, то есть волнорезовских, такое свойство появляется. Чуют, если рядом дети в беде. Ну, рядом – тут, конечно, у всех по-разному. У кого-то сто метров, у кого-то сто километров... хотя я сам таких не знаю, чтобы сто. Обычно где-то так примерно километр. У тебя это тоже прорежется... У кого через полгода после того, как силу получил, у кого через два месяца... у меня вот через три. Говорят, бывает и сразу, но это редко... я сам таких не знаю. Короче, как почувешь, надо срываться и бежать. Потому что первое правило «Волнореза». А прикольно бывает, когда уже по кому-нибудь работаешь, и тут хоба – сигнал словил. Тогда уж выбирать приходится, то ли тут доделать, то ли всё бросить и туда... А насчёт Дениски, я им потом займусь. Если окажется, что его дома лупят...

Сане тут же вспомнился ремень, захлестнувшийся на шее отчима Александра Григорьевича. А ведь, наверное, этот мелкий улыбчивый Ванька может оказаться и пожёстче Димы. За всем его шутовством чувствовалась некоторая хищность. С каким же зверем его сравнить? Не кот, не пёс и даже не лис... Пожалуй, мангуста, как в «Рики-тики-тави» Киплинга, которого зимой читали с Мишкой. Вроде и мелкий, а ядовитых кобр только так давит!

– Ну что, погнали Костика искать? – напомнил он о главном деле.

– Легко! – согласился Ванька, и вновь сделался дурашливым ребёночком. Такому пальчик покажи – расхохочется, а если такой пальчик покажет – то лягут все.

3.

Им повезло – Костя оказался дома. Ещё на подходе Ванька извлёк ручку, застыл с нею на несколько секунд, словно прислушиваясь к чему-то, и объявил:

– Тут он, никуда не делся. Давай, надевай завесу, и пошли.

Завеса уже получалась у Сани легко, больше не приходилось думать, настраиваться, представлять упругую сиреневую плёнку. Правда, всё равно в ручном режиме... надо, надо освоить «подвеску»!

Всё получилось прямо как тогда, с Ромкой Дубовым. Они вошли в квартиру – и оказались прямо в эпицентре взрыва.

Костя Рожков скандалил с мамой. Был он, Костя, высокий и худой, а мама его, напротив, низенькая и полная, прямо как Антонина Алексеевна. Но её, как накануне сообщила Аня, звали Виктория Альбертовна, работала она в какой-то дизайнерской конторе, и ещё где-то подрабатывала, так что домой по будням приходила чуть ли не к полуночи. А папы у Кости не было.

Сейчас Костя валялся на диване и орал на Викторину Альбертовну, стоящую в дверном проёме. Через неё в комнату не проскользнуть – и Саня с Ванькой устроились в коридоре, откуда, впрочем, всё видно. И тем более слышно.

– Шпионишь за мной, значит? – Костя то басил, то срывался на визг. – Какого хрена ты суёшь свой нос в мои дела? Что ты вообще в них понимаешь, и по жизни что понимаешь? Свою жизнь изгадила, папкину изгадила, теперь ко мне лезешь? Тебе кто разрешал в мой комп лазить?

– Костенька, ты хотя бы за тоном своим следи! – возражала мама. – Ты последнее время совсем охамел. Я понимаю, конечно, переходный возраст, экзамены эти, нервы... Но нельзя же так!

– А как можно? – орал Костя, отвернувшись лицом к стене. – Бегать по учителям и унижаться, да? Конфетки им совать, конфетки, да? Лазить в мою почту можно, да? Ну что ты там хотела найти?

– Костенька, ты пойми, с тобой уже почти полгода что-то неладное творится! – чувствовалось, что Виктория Альбертовна недалеко от того, чтобы разреветься. Слишком уж вибрировал её голос. – Мне кажется, ты попал под какое-то дурное влияние. Может, тебя кто-то преследует, вымогает деньги? Ты только скажи, я тебе помогу.

– Ага, поможет она! – издевательски возвещал Костя. – Когда я на диски у тебя просил, ты что говорила? Что «Ставрос» не заплатил по проекту! Когда мне новые кроссовки были нужны, ты по кредиту платила! Когда мы с классом на тех каникулах в Питер ездили, у всех были деньги на макдак, только я один как лох!

– Костя, ну что ты говоришь? Я же тебе тогда тысячу рублей дала! – возражала мама.

– Да ни хрена ты мне не дала, это у тебя глюки! Из-за тебя на меня в классе пальцами показывают – нищета!

Саня чуть не присвистнул. Нищета – это у Дубовых, а тут вполне нормальная квартира. На стенах ковры, навороченный музыкальный центр, колонки здоровенные... на письменном столе комп с экраном, пожалуй, в 21 дюйм как минимум. И на Косте – не застиранные треники, как на Ромке, а вполне себе нормальные джинсы... Если так смотреть, то и у него, у Сани, нищета, и у Лиски.

– Костя, послушай, нам нужно серьёзно поговорить! – не сдавалась мама. – С тобой совершенно точно что-то происходит! Я беседовала с Тамарой Васильевной, и с другими учителями, все на тебя жалуются, говорят, что скатился, что к ГИА не готов, что в десятый

класс ты просто-напросто не попадёшь, если не возьмёшься за ум. Ты что, хочешь в ПТУ пойти?

– Да хоть куда! Лишь бы подальше от этих ваших фальшивых улыбочек! Врёте постоянно, двадцать четыре часа в сутки! Врёте и предаёте, вы все! И ещё считаете, что имеете право мне всякое такое втирать!

– Костенька, ну почему ты не хочешь быть со мной откровенным! – Виктория Альбертовна подпустила в голос ласки. – Ведь я же твоя мама, самый родной человек! Меня не станет, кому ты нужен будешь?

– А я и так никому не нужен, и тебе в первую очередь! – завопил Костя. – Зачем ты вообще меня родила, я же не просил! Что ты мне по жизни дала? Только прыгаешь вокруг как жаба и квакаешь всякие глупости! Отлезь от меня, я давно уже взрослый, я лучше тебя знаю, как надо жить!

Саня посмотрел на Ваньку. Вид у того был совсем обалдевший. Да и Саня тоже прибалдел. Приходилось и ему скандалить с мамой, но вот чтобы так...

– По-моему, ему не хватает ремня! – пользуясь неслышимостью, заметил Ванька.

– По-моему, тоже! – согласился Саня. Вот же, блин, ребёночек, которого как бы надо спасать... Ростом повыше многих взрослых, наверняка сильный...

Но потом Саня чисто из интереса решил посмотреть на Костины чувства. Как тогда, на турслёте с Максом. Для себя он решил называть такую волшебку «цветком эмоций» – это звучало красиво и по-взрослому.

Ярость и тоска. Ослепительно-красное и бледно-голубое. Где-то глубоко светится зелёный стыд, но на фоне красно-голубого почти незаметен. И страх, бурый, точно какао в школьной столовой. И что-то ещё, фиолетовое, для чего у Сани не находилось подходящего слова. То ли надежда, то ли жажда... как у вампира, сто лет пролежавшего в гробу, окованном серебряными дугами.

– Короче, так! – Костя стремительно подскочил и уселся на диване по-турецки. – На комп я поставил пароль, больше ты свой любопытный нос туда не сунешь. Будешь ещё капать на мозги – уйду из дома и телефон отключу! Как в апреле! И вообще, дай пятьсот рублей, у меня на телефоне шиш с маслом!

– Я сама тебе положу на телефон! – миролюбиво предложила Виктория Альбертовна.

– Нет, дай сейчас! – сверля её глазами, потребовал Костя. – А то ведь сам возьму!

– Плохо дело, – шепнул Саня Ваньке. – Какой-то совсем уж тухлый пацан... как-то даже не хочется мне его спасать.

– Наше дело разведка, – спокойно возразил Ванька. – Посмотрим, расскажем на сборе, пусть старшие решают.

Виктория Альбертовна, ни слова не говоря, вышла из комнаты – пришлось юркнуть в сторону, чтобы не столкнуться с ней. Минуту спустя она вернулась и положила на Костин стол пятисотенную бумажку.

– Но учти, Костя, это в последний раз! – решительно заявила она. – Если будешь и дальше так себя вести, мне придётся показать тебя психологу! Ведь явно же у тебя какие-то проблемы!

– Моя главная проблема – это ты! – глухо произнёс Костя. – И вообще, закрой дверь! С той стороны!

Виктория Альбертовна послушно закрыла и удалилась плакать. Как Саня с Ванькой проскользнули к нему в комнату, Костя, конечно, не заметил. Он, возможно, и без волшебства бы ничего сейчас не заметил. Минуты две сидел на диване совершенно неподвижно, взгляд его был как у плюшевой собачки с прозрачными глазами-пуговицами. Такую недавно купили Мишке, но особого восторга она у мелкого не вызвала. «Не хищная! – заявил тот. – Очень травоядная собака!»

Затем в Костиных глазах мелькнула какая-то жизнь, он резко встал с дивана, подошёл к столу, жадно сцапал денежку и сунул в карман джинсов. После чего уселся в кресло и врубил комп. Когда загрузилась заставка Windows, возникло окошко ввода пароля. Придвинувшись вплотную, Саня проследил за Костиными пальцами. Пароль оказался затейливым: vsevygady000.

– Если он гамиться сейчас будет, это хреново, – задумчиво протянул Ванька. – Я ж не могу до вечера тут торчать, мне в три нужно дома быть...

– Между прочим, и мне! – вспомнил Саня. Хорошо настоящим разведчикам в тылу врага – их не ждут мамы к обеду!

И снова им повезло. Костя не стал играть, вместо этого он соединился с интернетом, загрузил аську – замигал справа внизу зелёный цветочек – и выбрал в списке контактов строчку Alex9843. Отстучал текстик: «мне продукт 48, на 500 руб, старая басманная» – и уставился в равнодушный монитор. Минуту спустя замигало ответное сообщение: «счет 49014139004 сегодня после 14 под ближней урной к остановке трол 22 новорязанская ул в сторону комс площ».

– Ты чего-нибудь понял? – спросил Саня.

– Да ни фиги! – пожал плечами Ванька. – Это прямо как в фильмах про шпионов. Может, он на Америку работает?

– Ага, выдаёт им тайны девятого «а»! – ухмыльнулся Саня. – Кто в кого втюрился, кто кому в глаз дал, кто парашу по русишу схватил...

Они бы ещё долго могли перешучиваться, но Костя резко собрался, сунул в карманы джинсов ключи и телефон, вышел из комнаты. Саня с Ванькой устремились за ним. А объект слежки уже лязгал замками на двери. Предупредить маму, что куда-то уходит, он не соизволил.

Впрочем, не так уж далеко и ушёл. Метров двести от подъезда – и вот он, салон «Евро-сети». Дождавшись очереди к платёжному терминалу, Костя набрал тот самый, полученный по аске счёт и сунул купюру. Полученный чек скомкал и выбросил в ближайшую урну.

– Я сейчас! – Ванька метнулся туда и вскоре вернулся с мятым листочком.

– Ты чего? – уставился на него Саня. – Зачем?

– Включи мозги! – усмехнулся Ванька. – Я всё понял! Это он наркоторговцам положил деньги, а после двух пойдёт за посылочкой. Сейчас без пятнадцати час, они за это время успеют положить под эту самую урну. А чек я взял для Серёги, он же у нас компьютерный гений. Попробует пробить по волшебству, что это за счёт такой, на кого записан.

– Как у них, гадов, всё продумано! – хмыкнул Саня. – Ещё почище, чем у шпионов. И ведь хрен кто к нему прикопается.

– Ага! – подтвердил Ванька. – Подумаешь, деньги куда-то положил! Что, нельзя? Может, он в фонд помощи больным детям решил помочь и ошибся циферкой? А если его за руку поймать, когда свою наркоту возьмёт, так ведь отвертится: да я тут просто гулял, увидел – валяется, наклонился посмотреть... И никакие менты ничего не докажут! Я вспомнил – про это же кино было!

– Надо бы ещё этого Алекса9843 вычислить! – предложил Саня.

– А как? – недоумённо спросил Ванька. – Как ты его вычислишь?

– Очень просто! – объявил Саня. – Я же пароль на комп запомнил. Всевыгады000, английскими буквами. Прийти, когда Костеньки дома нет, врубить его комп, открыть аську и посмотреть информацию на контакт.

– Ага! – хихикнул Ванька. – Ты вообще аську себе заводил? Там что угодно можно написать. Что тебе 99 лет, что ты живёшь на Марсе, что у тебя паспорт 000000, что любишь есть кактусы и что твой родной язык эльфийский! Ну посмотришь ты информацию на

Алекса9843. А там пусто окажется. Ни где живёт, ни телефона, ничего. Или наоборот, какая-то полная фигня.

– А если волшебством? – задумался Саня.

– Не, волшебством не выйдет! – расстроил его Ванька. – Никто пока не придумал, как в человеческих мозгах копать... и это даже когда человек вот он, рядом. А когда только след от него, то есть что он про себя в инете написал... Не прокатит.

– Жалко! – вздохнул Саня. – А то б вычислили гадов, и...

– И что? – столь же грустно спросил Ванька. – Что бы сделали? Забыл правило номер раз?

– А если волшебством их в полицию привести? – предложил Саня. – И заставить признаться!

Ванька оживился.

– Вот это классная идея! Надо нашим предложить! Только сперва их вычислить надо, этих гадов. А как вычислишь, если у нас только номер счёта и номер аськи, а по ним бесполезно.

– Идея! – озарило Саню. – Вот смотри, если мы быстро сейчас туда, к урне, рванём, под завесами, и посмотрим, кто туда посылочку положит. Кинем на него маячок, ты ж умеешь, наверное? Потом в любой день можно его найти и проследить. Он нас в логово бандитов и приведёт.

– А если он в логово бандитов не ходит? – возразил Ванька. – Если ему тоже как-то так эти посылочки передают и говорят куда класть? Хотя, если его взять в плен и как следует допросить...

– Пытать будем? – Саня всем своим видом изобразил наивность.

– Зачем пытать? Мы же не инквизиция! – ухмыльнулся Ванька. – Волшебством можно человека расколоть без всяких пыток. Только это сложная волшебка, я так не умею. Наверное, Лёха умеет, он из нас самый сильный.

– Ладно, про это на сборе обсудим! – Сане идея понравилась, но сейчас важно было за разговорами не упустить Костика. А тот, выйдя из салона «Евросети», куда-то медленно поплёлся.

– У нас больше часа времени! – успокоил его Ванька. – Не напрягайся так. И вообще, можешь завесу снять, не жги зря бензин... то есть силу. Ему и так на нас плевать, он сейчас, наверное, только о своей дозе думает. Но неслышимку оставь, на всякий пожарный. Пойдём сзади, подальше, но чтобы он на виду всё время был. А после двух уже опять завесы наденем.

Чувствовалось, что опыт волшебной слежки у него имеется.

– Слушай, а как ты вообще в «Ладонь» попал? – задал Саня давно теребивший его вопрос. – Если это, конечно, не жуткая тайна...

Ванька продемонстрировал тридцать два белых зуба – такие можно увидеть только по телеку в рекламе зубной пасты.

– Не жуткая и не тайна! – сообщил он. – Только давай вот мороженого возьмём. Жарко!

У Саня нашлось тридцать рублей, едва хватило на вафельный стаканчик, а богатенький Ванька взял большой рожок.

– Между прочим, ещё и полезно! – наставительно заявил он. – Мы ж завесы держали, и у меня ещё пара волшебок на подвеске. Надо восстанавливаться. Вдруг сегодня придётся волшебничать на полную мощность?

– Наверное, профессиональная болезнь волшебников – это кариес? – предположил Саня, разрывая пластиковую обёртку.

– А диабет не хочешь? – съязвил Ванька. – Просто надо не увлекаться... у меня иногда получается. А насчёт того, как я в «Ладонь»... сперва Серёга попал, ещё той осенью, поза-

прошлой, когда в шестом классе был. Ну а через полгода упробил ребят, чтобы и меня взяли. Потому что я слишком любопытный и во всё сую нос, и из-за меня никакой конспирации у него не получается. Ну, потом как у всех – устроили разные проверочки... в общем, взяли.

– А Серёга как попал? – Сане хотелось подробностей.

– Ну, с ним вообще круто получилось! – Ванька откусил от рожка и надолго замолчал. То ли держал, как сказала бы мама, сценическую паузу, то ли просто млел от мороженого. – Короче, он тогда реально попал. Ты помнишь, он в астрофизической секции занимается? Ну вот, туда он пришёл в пятом классе, когда зафанател от астрономии. А в шестом, в сентябре, они всей секцией на несколько дней в Питер поехали, в Пулковскую обсерваторию. Знаешь, есть такая? Знаменитая! Там сам Борис Стругацкий работал, вот! Ты знаешь, кто это? Самый крутой фантаст! Ну, у них там типа и экскурсия, и учёба, наблюдения всякие делать, в телескопы смотреть. Но они не только на звёзды смотрели, а ещё и на город. В смысле, не в телескоп на город, а гуляли, музеи и всё такое.

– И что? – Сане не терпелось перейти к главному, но Ванька наслаждался ролью рассказчика и не торопился.

– А то, что Серёга потерялся. Отстал где-то на улице от своих, задумался про что-то, ну и их уже нет. Он телефон достал, а телефон накрылся. Включает, а там только заставка высвечивается, и всё, завис. Причём он и батарею вытаскивал-вставлял, не помогло. Ну и что делать? Он ещё и забыл адрес, где они остановились. Там какая-то школа, но не обычная, а типа частная. Что домик сине-зелёный, помнил, а какая улица, какое метро – нет. Всегда ж толпой ходили, пятнадцать человек и Семён Ильич.

– И что Серёга делал? Ревел? – предположил Саня. – И к нему подошли питерские волнорезовцы и спасли?

– Вот ещё, станет Серёга реветь! – возмутился Ванька. – Он не из таких! Он подошёл к первому попавшемуся менту и всё сказал: что из Москвы, что отстал от своей группы, что телефон сломался. Ну, мент его в отделение отвёл и передал дежурному. Типа разбирайтесь тут, а у меня патрулирование. А в отделении такая фигня получилась...

– Что за фигня? – с замиранием спросил Саня. Он чувствовал, что хорошее фигой не назовут.

– Короче, там дежурный оказался какой-то полный урод. Он начал к Серёге прикапываться – типа а чем докажешь, что москвич? А может, ты воришка и телефон этот у кого-то спёр? А ну-ка, давай пальчики откатаем, может, ты во всероссийском розыске? Серёга ему говорит: дядя, вы вообще соображаете? Какой розыск, мне ещё одиннадцать! А тот полез в какие-то папки и как заорёт: вот, попался!

– Кто попался? Почему? – стаканчик сейчас показался Сане не таким уж вкусным.

– Ну типа Серёга попался. Потому что типа он на самом деле никакой не Серёга Звягин, а Тёмка Заряницын, который два месяца назад из интерната сбежал, ну и милиция его ловит, по всем отделениям фотки прислали и данные на него. Этот козёл дежурный Серёге даже фотку показал. Серёга потом говорил, действительно, сходство есть. Ну бывают же похожие люди, да? Серёга ему – это ошибка, позвоните в Пулковскую обсерваторию, попросите Владислава Антоновича, это сотрудник, который с ними там занимался. А мент ему: да ты мне баки не заливай, типа знаю я таких! Сейчас в лучшем виде в свой интернат поедешь, там уж с тобой разберутся как следует! А станешь борзеть, наручники надену и напишу рапорт, что на меня кидался и хотел убить!

– И что дальше? – Саня представил себя на месте Серёги, и по спине пробежал холодок. Чужой город, телефон сдох, и ты во власти этого козла, и если потом жаловаться, поверят ему, а не тебе. Потому что он взрослый и при исполнении, а ты – сопливый пацан.

– А дальше дежурный засунул Серёгу в обезьянник, это типа клетки такой, где задержанные сидят, – объяснил Ванька. – И позвонил в тот интернат, чтобы приезжали за своим

беглым Заряницыным. Ну и через два часа приехали. Серёга надеялся, что тут всё и разъяснится, что скажут – ошибка вышла, это не наш. Но получилось прямо по закону подлости – за ним прислали какого-то дядьку, который в интернате работает недавно и Тёмку этого не знал. Короче, дядька и слушать Серёгу не стал, руку заломил и в машину. И привезли в интернат... а там сразу его заперли в изолятор. Никто даже не вышел к нему, ни директор, ни воспитатели. Этот мужик новый оказался зам. директора по режиму, или как там это называется у них, я не помню. Причём Серёгу ещё и догола раздели, этот гад сказал – ты два месяца где-то бегал, всякой заразы нахватал, все эти шмотки сжечь надо, а тебе санобработку устроить. И вообще за то, что сдёрнул, получишь по полной. Сам типа знаешь как.

– И как? – Саня не заметил даже, как до хруста сжал кулаки. Хотелось немедленно бежать и спасать, хотя как побежишь в прошлое? Такой волшебки ещё не придумали.

– Вечером к нему, в изолятор, старшаки пришли! – охотно объяснил Ванька. – Ну, старшие ребята в смысле. Десятый, одиннадцатый класс. Там если кого-то наказать надо, то взрослые сами и пальцем не тронут, а натравливают старших. Чтобы, если какая-то проверка, мы не при делах, это они сами, а мы только не уследили... ну выговор дадут, премию снимут... Это нам с Серёгой потом уже папа объяснил. Типа что это не только там так делается, а повсюду. Короче, старшие пришли. Может, и въехали, что не тот пацан, а может, и нет. Я ж говорю – Серёга реально на того Тёмку Заряницына похож. Но по-любому им по фиг. Велели разобраться, ну и надо разобраться. В общем, стали издеваться по-всякому, потом бить уже начали... знаешь, как там бьют? Представляешь антенну от радио? Ну вот прикинь, когда ею по рёбрам. И тут...

Ванька вновь выдержал долгую сценическую паузу. Хотя, может, у него просто начал подтаивать рожок, и пришлось срочно жевать-глотать.

– Что «и тут»? – выдохнул Саня.

– Помнишь, я говорил, что там у них в секции астрофизики больше половины ребят – волнорезовские? – справившись с мороженым, сказал Ванька. – Короче, когда всполошились, что Серёга Звягин пропал, начали действовать. Жаль, они не сразу заметили, а то бы прямо из милиции взяли. В общем, Семёну Ильичу ничего говорить не стали, зачем расстраивать? Тем более, он пожилой уже, шестьдесят семь лет, и сердце больное. Решили сами всё сделать... Их в той поездке восемь человек было, волнорезовских, причём все из разных отрядов. Академия «Волна», короче. Ну, они по Серёгиному рюкзаку взяли пеленг, поняли, что далеко, сорвались, поехали.

– На чём поехали? – уточнил Саня.

– Машины ловили! – объяснил Ванька. – Их восемь, значит, три машины взяли. Тут просто всё – погладил водителю мозги, и он проникся, и бесплатно отвезёт куда тебе надо. Большинство же людей нормальные... такие уроды, как Денискин папа, редко встречаются. В общем, приехали к интернату, попросили водителей подождать. Я уж не знаю, что за лапшу им навешали, да и какая разница?

– А дальше? – замер Саня.

– А дальше они применили длинный слух и длинный глаз, поняли, что происходит. Тогда открыли все запоры, охранника волшебством усыпили и вошли в изолятор. Как раз когда Серёгу антенной лупили. Ну и, сам понимаешь, малость озверели. Короче, забыли даже про осторожность, про конспирацию, и старшкам таких волшебных люлей навалили, что на всю жизнь запомнят. Еле-еле удержались, чтобы правило номер раз не нарушить... то есть калечить не стали, но вломили по полной. Там ещё на шум этот зам по режиму высунулся, ему тоже... прикинь, подняли на воздух, перевернули и головой в унитаз... там в комнате этой, где Серёгу держали, и раковина, и толчок... прямо как в тюрьме.

У Сани отлегло от сердца. Ну хоть что-то! Унитаз, конечно, мало... классно было бы таракана превратить, или хотя бы отрастить ему ослиные уши, как в сказке про Маленького Мука (совсем недавно читал мелкому). Жаль, волшебство не позволяет.

– Что было потом? – деловито осведомился он.

– Потом всё просто, – улыбнулся Ванька. – Вывели оттуда Серёгу, посадили в машину и вернулись в школу, в Питер.

– Что, голого вывели? – недоверчиво спросил Саня.

– Зачем голого? – удивился Ванька. – Нашли его одежду. Что, правда поверил, будто сожгут её? Она ж хорошая! Её бы или кому-то своим отдали, или на вещевой рынок.

– А самое главное-то как? – напомнил Саня. – Как Серёгу в «Волнорез» взяли?

– Да он ребят совсем запытал, типа что это было? Почему люди по воздуху летали, почему запертые двери сами открывались, почему водители у интернатских ворот послушно ждали и денег не просили? Короче, он от них не отставал, ну и они решили, что парень вроде надёжный... в Москве уже посоветовались в своих отрядах, устроили проверочку... ну и открыли тайну. И стали потом думать, в какой бы ему отряд... а так получилось, что все они далеко живут, ну и решили подобрать тот, который поближе, чтобы не ездить через полгорода. А ближе всего наша «Ладонь». Ну, связались с Игреком, объяснили ситуацию. Тот даже обрадовался – молодёжи мало, одни старики, большинству около пятнадцати, мы уйдём – и кто останется? Так что дали ему силу, и стал он волнорезовцем. Ну и через полгода уже меня...

– А что же, этот их Семён Ильич не заметил, что половина народа куда-то сорвалось? – сообразил вдруг Саня.

– Они ж не идиоты! – наставительно сказал Ванька. – Они учёные. Ленку Птицину с учителем оставили, она его волшебством успокаивала, типа всё нормально, ребята просто гуляют, позвонили типа, сказали, что к десяти вернутся, а вам, Семён Ильич, баиньки бы надо, день тяжёлый был... и таблеточку от давления не забудьте принять...

– А родителям Серёга рассказал, что в Питере было? – Сане хотелось расставить все точки над «i». – Или тоже решили не волновать?

– Ну, в общих чертах! – ответил Ванька. – У нас ведь папа такой, что сразу всё чует. Короче, про волшебство Серёга не говорил, а сказал, будто мобильник у него не отобрали, и уже там, в изоляторе, он вдруг заработал, и Серёга смог дозвониться до Антона, это самый старший тогда у них был, в секции. Ну и типа ребята поймали тачку, поехали в этот самый интернат и сумели убедить директора, что ошибка вышла. Про старшаков и как им вломили, конечно, он говорить не стал.

– И что папа сделал? – задал Саня естественный вопрос. – Сильно ругался?

– Сильно! – закатил глаза Ванька. – Я от него таких слов раньше вообще не слышал. Короче, он напряг свои связи, коллег тоже дёрнул, и московских, и питерских. В общем, менту дежурному строгий выговор с занесением, а в интернате зама по режиму вообще вышибли. Папа сказал – пинком под зад.

– А где ваш папа работает, что у него такие связи? – заинтересовался Саня. – В полиции, да?

– Не, – пояснил Ванька. – Совсем наоборот. Он у нас журналист. Сейчас главный фотограф в газете «Сверхновости». А у журналистов знаешь сколько связей, сколько знакомств? Он, может, пять лет назад у какого-то ментовского генерала интервью брал, а контакты остались, и если что, позвонит, попросит помочь. С журналистами шутки плохи! – возвестил он. И, помолчав, добавил: – Если журналисты не лохи!

– Прямо в рифму! – пришёлкнул языком Саня. – Как это у тебя получается? И с Денис-кой этим тоже.

– Сам не знаю! – честно ответил Ванька. – Про меня говорят: язык без костей. Но ведь он у всех без костей... А ещё я в театральной студии занимаюсь, тоже многому научился. Кстати, у нас там есть волнорезовские – и Катька Дроздова, и Юлька Струнина, и Олежек Малыгин... Между прочим, тебе тоже подумать надо...

– Насчёт чего? – не понял Саня.

– Насчёт прикрытия. Очень нужная вещь в нашем деле, – поднял вверх палец Ванька. – Только про это потом. Уже два часа, Костенька за своей прелестью намылился.

4.

Отловили его в четвёртом часу – сразу после консультации по алгебре, на которую Костик Рожков соизволил всё-таки сходить. То ли Виктория Альбертовна неустанно капала на мозги, и чаша переполнилась, то ли совесть ненадолго проснулась.

Саня, впрочем, в охоте не участвовал – им с Лиской поручили куда более сложное дело: подготовить помещение. Подготовить – это не значит полы подмести или табуретки расставить. Всё оказалось гораздо сложнее.

– Если бы у нас тут был Хогвартс, – ухмыльнулась Лиза, – то что мы делаем, называлось бы чароплетение.

– Или чароплётинг, чтобы совсем уж по-английски, – предложил Саня. – Только ты можешь по-человечески сказать, что делать-то?

– Мы должны соткать иллюзию, специально для этого Кости. – пустилась в объяснения Лиска. – Вчера же на сборе всё решили. Осталось только как бы декорации слепить. Причём все наши будут видеть сразу и как оно на самом деле, и как оно Косте чудится. Волшебство не шибко сложное, но творческое... это всё равно как фильм снять. Ты ж будущий режиссёр, ты должен понимать. Считаю, мой сценарий, твоя... как бы это сказать... визуализация, вот! Сочиняй картинку и зафиксируй волшебством. Потом её надо будет настроить на Костика, но это быстро сделаем, сразу, как его приведут.

Идея была Димины.

– Я тут недавно фантастику одну читал, – сообщил он, вертя чашку с недопитым чаем. – Называется «Новая инквизиция». Ну там ерундень всякая, про оборотней, вампиров... и волшебников, которые их ловят.

– Такого навалом! – заметил Лёша. – После «Дозоров» идея стала модной. Только ты к чему это?

– А к тому! – Дима так резко качнулся на табуретке, что чуть было не расплескал чай. – Вот прикинь – сидим мы тут в мрачном подвале, в балахонах... называемся «Новой инквизицией», и впариваем всё это Костику. Типа мы сверхтайная спецслужба, которая очищает мир от наркоманов, и нам закон не писан, что угодно можем с торчками делать! Хоть на костёр! И, короче, пугаем его до ус... ну, то есть, по максимуму. И при этом ещё мозги гладим. Пугаем и гладим, гладим и пугаем... Короче, что получается? Получается у него в голове типа сигналки такой... как только подумает о том, чтобы снова смеси свои покурить, тут же про инквизицию вспоминает, и ему жутко становится до поросычьего визга. Связка такая, понимаете?

– Мысль интересная, – задумчиво протянул Лёша. – Наверное, прокатит. Раз уж мы каналы ему перекрыть не можем, значит, попробуем так. Неприятное дело, конечно.

– А можно, я в этом участвовать не буду? – решительно заявила Аня. – Для вас он просто наркоман Костя, а для меня... Как я потом с ним общаться смогу?

– Да без проблем! – утешил её Дима. – вшестером справимся. Жаль, Поинка на даче, а то вообще класс – семеро инквизиторов. Семь число мистическое... ладно, шесть тоже неплохо.

– А может, всё-таки попробуем поймать этих торговцев? – снова предложил Саня. – У нас с Ванькой отличная идея есть.

Он вспомнил, как вчера Костик изображал бесцельно шатающегося, но довольно целеустремлённо двигался в сторону Казанского вокзала. Останавливался, курил, доставал телефон и бестолково давил кнопки, потом сбрасывал. Кто угодно мог посмотреть – и обнаружить обычного московского лоботряса, который хоть и не делает ничего хорошего, но и ничего плохого тоже. И только скрытые завесами Саня и Ванька понимали – Костика ведёт

жажда. Настоящая вампирская. Или, ещё лучше, как во «Властелине Колец» Горлум охотился за своей Прелестью. Вся разница – Костик точно знал, где лежит его оплаченная Прелесть.

Лежала она, где и было указано – в узкой щели между железной урной и стеной какого-то длинного и явно нежилого дома, в двух шагах от троллебусной остановки. Маленькая коробочка, меньше сигаретной пачки. На вид совсем невзрачная. Но когда Костик, оглянувшись по сторонам, вытащил её, на лице его отпечаталось такое счастье, будто получил Нобелевскую премию, поступил во все университеты мира, влюбился во всех поп-звёзд и каждая ответила ему взаимностью.

– Ну, всё понятно, – шепнул Ванька. – Тут уже ничего интересного не будет, можно и по домам. Способ закупки тоже ясен. Мне вот, например, совсем не в кайф смотреть, как он эту дрянь употреблять станет. Миссия пройдена.

И вот теперь Саня излагал их с Ванькой идею.

– Устраиваем засаду возле той урны... вряд ли ему назвали первое попавшееся место, значит, туда уже не раз клали... и ещё положат. И как только появится курьер, засунет туда посылочку – мы его волшебством хватаем, тащим в штаб и допрашиваем... и под волшебством он всё нам выдаст – на кого работает, у кого получает товар... потом начинаем следить за теми... и выходим на самого главного босса, и...

– И что? – хмуро оборвал его Лёша. – Вышел ты на самого главного босса, а дальше? Достаёшь верный АК-74 и разносишь ему башку? Или звонишь детским голоском в полицию: «дяденьки, я тут наркомафию поймал, срочно выезжайте!» Правило номер один помнишь? Не убивать волшебством и не калечить. А всё остальное бесполезно. Ну погладишь ты ему мозги... ну станет он чуть лучше на пять минут... а дальше то же самое будет.

– И ни на какого самого главного босса ты не выйдешь, – Дима подбавил дёгтя в Санину бочку мёда. – Потому что даже если получится курьера отловить и допросить, что ты с ним потом делать будешь? Придётся же отпустить.

– А память стереть? – предложил Саня.

– Ага, стёр один такой, – хмыкнул Дима. – Это не с каждым получается, непредсказуемое тут волшебство... Никогда не знаешь, сработает ли и как. Может, он вообще всё забудет, даже как его звать и как унитазом пользоваться. Тогда это уже нарушение правила номер раз. Калечить – это ж не только руки-ноги ломать, это и психики тоже касается. А может, он забудет ровно то, что надо, но потом вдруг вспомнит. Поэтому всё равно огромный риск, что он от нас выйдет и своим шефам всё расскажет... типа какие-то странные дети его охмурили и вытянули из него всю инфу. И в лучшем случае эти самые шефы подстрахуются и поменяют схему распространения. А в худшем – начнут нас отлавливать, и нам придётся защищать друг друга волшебством. Засветимся, короче, и в конце концов про нас узнают спецслужбы... Вот так погиб московский отряд «Ключ», ещё в середине девяностых, мне Данила рассказывал, а ему Игрек, а Игреку Соня... Всех ребят поодиночке отловили и куда-то увезли, и больше их никто не видел. Понимаешь, какая засада?

Саня молча опустил голову. Спорить сразу расхотелось – наверняка на все его слова Лёша с Димой нашли бы миллион возражений.

– Саня, пойми, мы же не «Ночной Дозор», – утешающе произнесла Аня. – Мы не всемогущие... мы, хоть и волшебники, а всё равно дети, и у нас не получится всякие взрослые проблемы решить. Ни с наркотиками, ни с коррупцией, ни с экономическим кризисом... Вот если одному человеку удаётся помочь – уже хорошо. А гигантские планы многие волнорезовцы строили, с самого начала, только ни у кого ничего не вышло...

Какие они все были взросло-правильные! До ломоты в зубах, до серой тоски... Неужели и он таким года через два станет? Может, волшебство умирает не потому, что шестнадцать стучает, а потому, что чем ты старше, тем меньше веришь себе?

– В общем, ловить наркоторговцев не будем, – повторил Лёша. – И чисто технически невозможно, и опасно, и, между прочим, бесполезно. Потому что даже если бы мы вот конкретно этих выловили, у которых Костик снабжается, то очень скоро он бы других нашёл. Я почитал вчера, как это делается. В инете есть куча сайтов, форумов, чатов, где наркоманы тусят, ну и обмениваются инфой, где брать. Мы ж весь интернет не закроем, правильно? У нас такой закрывалки нет. А поэтому сосредоточимся на Костике. Приведём его сюда и вправим мозги. Есть возражения?

Если они и были, то только у Ани, но та промолчала.

– Тогда распределим зоны ответственности, – деловито предложил Лёша. – Думаю, надо так: Ванька отслеживает Костика и даёт сигнал, когда он будет на улице, в удобном месте.

– Если он на консультацию пойдёт, то можно сразу после, – предложила Аня. – Завтра у него по алгебре консультация, а в среду уже писать ГИА.

– Ну вот, значит, Ваня последит, что и как... – согласился Лёша. – Если Костик один пойдёт домой, то и хорошо, а если в толпе, значит, надо уже у подъезда перехватывать. Короче, задержание проведём мы с Димой. А Сане с Лиской, как людям творческим, самое сложное задание – подготовить обстановку. Лис, ты потом Сане подробнее объясни, как это делается.

– А мне что? – хмуро спросил Серёга. – У меня, значит, зоны ответственности нет?

– Ты на подстраховке, – объяснил Лёша. – Тоже с нами пойдёшь, и если надо будет, поддержишь над нами невидимость. Вдруг потребуется, а у нас все силы на конвоирование уйдут? Это же не как на войне языка брать – двинул прикладом по затылку, на плечо взвалил и через линию фронта, в распоряжение своих. Тут надо, чтобы никто ничего не заметил... Идут типа трое мальчиков, общаются... про кино, про музыку, про девчонок...

И вот сейчас надо было соорудить декорации. Взять вот и сочинить в голове фильм про эту самую «Новую инквизицию». Наверное, она должна быть похожа на старую. Чтобы страшнее. Значит, стены из серого тёсаного камня... вот тут, где раковина и кухонный столик, пусть будет жаровня... малиновые угли на толстой решётке. В том углу, где сейчас стоит бесхозная барабанная установка, пускай размещается дыба... вспомнить бы только, как она выглядит. Наверное, как в фильме «Царь»... бревно такое под потолком, с верёвками.

А обитый сукном стол можно и оставить. Да, чуть не забылось: освещение! Жаровни мало, ещё пару-тройку факелов на стены... обязательно в медных кольцах. Стальные – не стильно.

И на полу непременно солома. Не свежая, а чтобы чуть подгнила. И мыши пускай шуршат.

– Вот примерно так, – поделился он идеями с Лиской.

– Столик забыл, где секретарь сидит и показания пишет, – предложила она. – Вспомни, в учебнике истории была такая картинка. И ещё пусть будет отдельный столик, где всякие орудия пыток разложены. Давай его вон туда поставим, рядом с гитарой. Гитару, кстати, убери, ещё споткнутся об неё. Если Костика рядом с жаровней посадят... то есть раковиной, то этот столик ему будет плохо виден, но всё-таки виден. И пусть догадывается, что там такое... это страшнее получится, чем если бы точно знать.

– С чего ты взяла? – удивился Саня.

– Книжки надо читать! – усмехнулась Лиска. – Например, Стивена Кинга, «Пляску смерти». Это он для писателей написал, как надо сочинять ужастики... Нам в литстудии советовали почитать, я скачала... очень интересно, кстати.

– А как мы все эти наши придумки сделаем? – задал Саня резонный вопрос. – Надо будет всё время в голове это представлять и давить на волшебство?

– Не совсем, – пояснила Лиска. – Действуем вместе, одновременно представляем картинку, образ цели – чтобы Костя только это увидел, а наши – и как на самом деле, и нашу придумку. Придумка для них будет такая полупрозрачная... Как призраки... Вот представим мы, нажмём на волшебство, и получится на самом деле две похожих картинки. Тогда мы их совмещать станем, и они сольются в одну. После этого даём команду, чтобы держалась, и всё... остаётся только силой подпитывать, но нас же семеро, каждый подключится, так что расход не очень большой. И потом, всё же не долго будет... ну не больше часа, наверное. Без проблем успеешь за своим Мишкой в сад. Давай, готовься, мне уже эсэмэску кинули, что ведут нашего пленника...

...Сперва прискакал в штаб Ванька, уселся с дальнего края за длинный, обтянутый зелёным сукном стол, хихикнул:

– Классные декорации! Прямо как в кино!

– Ты не восхищайся, а подключайся! – строго заметила Лиска. – Подпитывай картинку. Потом явился Серёга, хмуро сказал: «Наши на подходе» и тоже устроился за столом.

Наконец послышались шаги, и в подвал ввалились трое – Дима с Лёшей по бокам, и пленный Костик между ними. Был он сейчас в чёрной футболке с оскаленным черепом и в зелёных бриджах ниже колена. Кроссовки найковские, заметил Саня, дорожные. И он ещё втирал Виктории Альбертовне про нищету!

Пленник растерянно крутил головой, но не делал попыток вырваться. Дима подвёл его к заботливо приготовленной табуретке, усадил, надавив на плечи.

– Неслышимка работает? – спросил он тихо.

– Ну а как ты думаешь? – усмехнулась Лиска. – Всё готово. Он нас не слышит и не видит, я завесу кинула на всех.

– Только лишнюю силу потратила, – скривился Лёша. – Он и так ничего сейчас не видит, мы его ослепили временно.

– Как ослепили? – не понял Саня.

– Это не особо сложное волшебство, – сейчас же поспешил объяснять Дима. – Просто сделали так, чтобы сигналы от глазных нервов не доходили до мозга. Сейчас снимем. А нужно это, чтобы он проникся, как у нас всё серьёзно. Ну и чтобы дороги не запомнил, конечно. Незачем ему про наш подвал знать.

– Саня, – напомнила Лиска, – не отвлекайся. Сейчас самое тонкое – подстроить картинку под Костю. Врубай волшебство и касайся его мозгов. Гладить не надо, просто войди в контакт. И держи картинку. Я тоже подключаюсь.

– Ну что, готово? – спустя минуту спросил Лёша. – Тогда возвращаем зрение и слух.

Костик глубоко вздохнул и дёрнулся. Не слетел бы с табуретки, забеспокоился Саня, но тут же сообразил: Костя видит сейчас вовсе не табуретку, а придуманное Лиской деревянное кресло с высокой спинкой, к которой он примотан верёвками. А ещё видит факелы слева и справа, тусклые угли жаровни, свисающие с каменных стен цепи. На полу гнилая солома, пищат в ней мыши... а вдалеке – стол, и сидят за столом высокие фигуры в коричневых балахонах, просторные капюшоны скрывают лица, да и света факелов едва хватает, чтобы различить контуры.

– Ну что, Константин Рожков, пятнадцати лет, учащийся девятого «а» класса две тысячи седьмой школы, проживающий на улице Старая Басманная... понял ли ты, куда попал? – сухо произнёс Лёша. Волшебство, как и было предусмотрено, меняло тембр его голоса, и Косте сейчас казалось, что говорит взрослый мужчина... едва ли не старик.

– Такого не бывает! – сипло выговорил Костик. – Это мне всё снится! Или глючитесь!

– Нет, Костя, мы тебе не снятся, – расстроил его Лёша. – И не глючимся. Ты находишься сейчас в штаб-квартире Новой Инквизиции. Слышал про такую? Не слышал! А потому не слышал, что организация наша тайная, глубоко законспирированная. Мы –

наследники старой инквизиции, которая много веков назад искореняла язвы человеческой цивилизации. Мы владеем древними тайнами, о которых и не подозревают обычные люди. И мы в современной России занимаемся тем же самым, что и наши предшественники. Если закон бессилён, в дело вступаем мы. Уничтожаем тех, от кого обществу несомненный вред! Маньяков, насильников, педофилов, неизлечимых алкоголиков и наркоманов! Теперь понимаешь, почему оказался тут?

Костик промолчал, видимо, переваривая услышанное. Никак оно не укладывалось в его кудрявую черноволосую голову.

– Имей в виду, – включился Дима, – мы не связаны никакими рамками закона. Закон – для людей, а мы уничтожаем нелюдей. Видишь вот эти приспособления? Они для тех, кто отказывается честно и подробно отвечать на наши вопросы.

– И если мы убеждаемся, что преступник не исправим, что зло в нём неискоренимо, то освобождаем Землю от этой бесполезной биологической единицы, – подхватил Лёша. – Там, уровнем ниже, – направил он палец в пол, – помещение для исполнения наших приговоров. А ещё ниже – подземный крематорий.

– А теперь скажи сам – почему ты оказался здесь? – строго спросил Дима, колыхнув призрачным капюшоном. – И помни, что у нас бывает с теми, кто пробует врать!

– За курительные смеси? – выдавил из непослушного горла Костик. – Но это же всё легально! Всюду же объявления, и полиции по фиг, а значит, можно! И это вовсе не наркотики... просто чтобы хорошее настроение!

– Это нам, специалистам, ты будешь рассказывать сказки? – сурово произнёс Дима. – Уж не отрезать ли тебе уши, для лучшего понимания?

– Или поучить кнутом! – пробасил Ванька. Знал бы побледневший Костик, что этот высокий мрачный дядька – на самом деле мелкий пацанёнок на четыре года младше его! Но волшебство, подпитанное всеми шестерыми, работало исправно, и пленник не сомневался, что находится сейчас во власти взрослых людей. И более того, он даже не замечал, что одна из этих шестерых – женщина. В балахонах-то все одинаковы.

– Ты, Константин, – глухо заговорил Лёша, – самый настоящий наркоман. Курительные смеси – опасный наркотик, разрушающий мозг! Посмотри на себя! Ещё полгода назад ты программировал сайты, рисовал, писал исследовательскую работу по истории граффити... а что сейчас? Сейчас ты просто животное, которое жрёт и гадит... которое растеряло почти всех своих друзей... которое мучает свою маму. А дальше будет больше. Вот сколько ты сейчас можешь продержаться от дозы до дозы?

– Ну, дня три... – тихо ответил Костик.

– А скоро и дня не выдержишь, и начнёшь воровать вещи, чтобы расплатиться с дилерами. Как давно начал употреблять? Отвечай!

– Перед Новым годом! – уставившись в воображаемую солому, произнёс пленник.

– Кто подсадил? – вмешался Дима.

– Никто не подсаживал, это я сам... – пробубнил Костик.

– Значит, запираемся? – зловеще оскалился Дима, и, несмотря на слабый свет факелов, Костя этот оскал увидел – потому что видел сейчас не глазами, а мозгом. А уж туда Дима ему картинку вложил.

– Я правду говорю! – не сдавался Костик.

– А вот если прижечь тебя раскалённым железом – будешь настаивать на своём? – Дима одним движением выскользнул из-за стола и направился к пленнику. То есть в иллюзии направился, а реально оставался на месте.

И Костик сдался.

– Ну, Вадик Маликов из десятого «б», – убитым голосом сообщил он. – Мы с ним ещё с того года корешимся.

– Значит, Вадик... – протянул Лёша. – И что же, он дал тебе попробовать? А потом, когда понравилось, подарил ссылочку, где можно взять?

Костик молча кивнул.

– Займёмся и Вадиком, – решительно заявил Дима. – Но вот с тобой-то что делать, Рожков? Какая от тебя обществу польза? Есть на земле хоть один человек, которому ты нужен?

«Аньке!» – чуть было не выкрикнул Саня, но вовремя сдержался.

– Маме, – опустив голову, глухо произнёс Костик.

– Наверное, ей будет очень тяжело, – мрачно заговорил Серёга, – когда ты сегодня не вернёшься домой и она начнёт обзванивать морги, больницы, полицию... и никто ей ничего не скажет. Через три дня тебя начнут разыскивать, а через год объявят пропавшим без вести. Она будет постоянно плакать... и может быть, начнёт пить с горя. Ибо, как сказал поэт, с кружкой будет веселей!

– Да она и так уже пьёт, – бесцветным голосом сообщил Костик. – С тётей Алей... это её подруга, самая близкая.

Серёга хотел было что-то ответить, но промолчал.

А Саня подумал, что всё-таки этот сеанс давания по мозгам сильно отличается от того, что месяц назад проводил Дима с Ромкой Дубовым. Тогда перепуганный Ромка внимал и соглашался, и то сомневался, то начинал верить в загадочную помощь.

Впрочем, помощь получилась так себе. Три дня назад, после субботнего сбора, Саня спросил, как дела у Дубовых, сдержал ли Ромка своё обещание не воровать.

– Сдержать-то пока сдерживает, – задумчиво протянул Дима, – только вообще там дела хреновые.

– А что так? Отчим опять его лупить начал? – забеспокоился Саня.

– Хуже, – отвернувшись, сообщил Дима. – Он, то есть отчим, ещё после того раза впал в крутейший запой, вещи стал пропивать... а его тёща, ну то есть Ромкина бабка, стала его стыдить, и он её избил зверски... соседи крики услышали, вызвали полицию. Короче, бабушка в больнице с сотрясением мозга, уже две недели.

– А отчима арестовали? – догадался Саня.

– Ага, сейчас! – не удержавшись, Дима сплюнул на асфальт. – Взяли подписку о невыезде, завели уголовное дело по статье «умышленное причинение вреда здоровью». Так что он продолжает квасить. Мама Ромкина, Ирина Максимовна, плачет всё время, работу бросила... она уборщицей в трёх местах работала, а сейчас дома сидит и переживает. А Ромка сейчас дома почти не ночует, к приятелям бежит... а приятели, кстати, не из класса, а старше... и такие приятели, что как бы там уголовки не получилось, по краже или разбою... Они ж запросто Ромку крайним могут подставить, типа нет четырнадцати, уголовная ответственность не светит... а что спецшкола не лучше колонии, это как бы по фиг...

– Что думаешь делать? – осторожно спросил Саня. С такой осторожностью касаются языком большого зуба, чтобы лишний раз не потревожить воспалённый нерв. Потому что, судя по заострившимся Димкиным скулам, он и был сейчас таким воспалённым нервом.

– Ну, тут вариантов много! – помолчав, отозвался Дима. – Во-первых, надо будет Ромкиным маме и бабушке постоянно мозги гладить, чтобы не впадали в панику и не делали глупостей. Во-вторых, надо убедить Ирину Максимовну, чтобы развелась с этим уродом и, главное, выписала его. Я выяснял, это её квартира, а он там вообще сбоку припёка... А его надо в постоянном ужасе держать, чтобы грабли свои не распускал... если понадобится, каждый день туда ходить буду.

– А с Ромкой как же? – уточнил Саня.

– Ромку на лето хорошо бы в лагерь какой-нибудь, получше! – поделился мечтами Дима. – Я этим уже занимаюсь, у меня завязки со скаутами есть, из отряда «Полярное сияние».

– Это тоже наши, волнорезовские?

– Нет, прикинь – совсем по другой линии. Обычные скауты. Я с одним из них, Пашкой Артюховым, в музыкалке занимался, ну и пару раз ходил к ним. Нормальные ребята, Ромке с ними хорошо будет. Только надо с их скаут-мастером обсудить... ну, мозги погладить, наверное, придётся...

Саня тогда кивнул, а сам подумал: может, всё-таки права была Лиска в том споре? Может, булгаковский Филипп Филиппович – не такой уж дурак? Может, удушающие и улетают ремни – не лучшее решение, и стоило всё же погладить зверовидному Александру Григорьевичу мозги? А вдруг получилось бы как с недавним Дурслем?

– Или всё-таки пожалуй Викторию Альбертовну? – задумчиво протянул Лёша. – Единственный сын, между прочим. Отпустить этого уродца и пронаблюдать...

– Гнилой гуманизм! – очень уж суровым голосом заявил Дима, и Саня сообразил: да они же с Лёшей заранее роли распределили и теперь разыгрывают спектакль. Слишком уж театрально оба звучали. Только Костя, наверное, этого не замечал. Когда сидишь, привязанный к высокому креслу, рядом светится жаровня, поблёскивают непонятные, и от того особенно страшные железки – как-то не до изучения оттенков чужих голосов.

– Вот скажи, Константин, – спросил Лёша. – А зачем тебе вообще вся эта ботва, с наркотиками. Ну чего тебе не хватало?

Саня подумал, что Костик вновь угрюмо промолчит, но тот вдруг вскинул голову и дёрнулся – видимо, пытаясь вырваться из воображаемых верёвок.

– Да потому что всё вокруг дерьмо! – выкрикнул он. – Все только и делают, что врут, предают! И мама тоже предательница! Знаете, где мой папка? В тюрьме! И это его мама туда засадила! У него бизнес был, и отжали, а мамке денег предложили, чтобы она какие-то папкины бумажки выкрала и им передала! А они с папкой ссорились тогда сильно, и она купилась! Отдала им эти документы, а они её тоже кинули! Я всё видел, мне тогда десять уже было! Она думала, я бестолковый ребёночек! А я всё знал!

– Что ж промолчал? – сурово поинтересовался Дима.

– Да кто бы меня слушать стал? – Костю прорвало, и долго сдерживаемые слёзы наконец хлынули. Саня вздрогнул. Когда недавно рыдал Макс, это было тяжело, но сейчас оказалось ещё хуже. Костина боль вдруг зацепила его, сделалась собственной болью. Это не как с волшебкой «цветок эмоций», когда просто видишь, что чувствует человек, изучаешь игру красок. Нет, сейчас уже не удавалось понять, где кончается Саня и где начинается Костя. Невидимые стенки, что разделяют людей, как-то истончились, продырявились, и хлестало сквозь них чужое горе.

– Так, придётся успокаивать! – неслышно для Кости произнёс Лёша. – Слегка прикручу ему краны...

И действительно, Костя вскоре перестал рыдать. Повертел головой, поглядел мокрыми глазами. И сказал:

– И я тоже такое же дерьмо! Я тоже папку предал, потому что даже не пытался никому ничего сказать! И мне тогда навороченный комп мама купила, я в этом компе зарылся и не отвечивал! А потом начал что-то соображать! Мама всегда суетится, подлизывается к учителям, подарочки им носит! Учителя из себя всякую мораль изображают, а реально грызутся как крысы! Пацаны в классе тоже или грызутся, или стебуются над кем-нибудь, или обсасывают про игры! Девки только о тряпках думают и о парнях! Всем на всех наплевать! Я не хочу так жить! Мне стыдно жить! А когда курю смеси, то как-то расслабляюсь, тогда не стыдно. Да, я дерьмо! От меня никакой пользы никому! Хотите убивать – ну давайте, казните! Я бы и сам, только решиться не мог! Это даже хорошо, что вы меня поймали! Ведите в этот ваш крематорий!

Он вновь дёрнулся – и обмяк. Руки бессильно опустились, подбородок свесился на грудь.

– Оба-на, истерический припадок! – сообщил Серёга. – Я про такое в инете читал!

– Ну и что будем делать? – сухо спросил Дима. – Приводим в чувство и продолжаем дожимать?

– Бесполезно, – подумав, сообщил Лёша. – Ничего у нас не получилось. Устроили, блин, драматический театр... Поставили трагедию «Кошмар наркомана». А у него трагедия покруче, ему все эти дыбы и жаровни – как сказка про Кощея Бессмертного по внеклассному чтению.

– Так что делаем-то? – спросила уже Лиска. – Вот прямо сейчас что?

– Прямо сейчас мы его снова ослепим, – раздражённо объяснил Лёша, – и отведём подальше, ну вот хотя бы в скверик за метро. Посадим на лавочку, отойдём, снимем слепоту... Ну, очнётся, пусть думает, что это было, глюки или по правде... Может, сделает какие-то выводы. Но мы уже ничего больше с ним устраивать не будем. Не по нашим зубам орешек. Всё, ребята, отключайте декорации. Спектакль окончен. Занавес!

– Интересно, это только мне одному кажется, будто мы дерьма наелись? – задумчиво произнёс Серёга после того, как Лёша с Димой взяли Костика под руки и вывели из подвала. – Все эти дыбы, жаровни, крематории подземные... Богатая у вас фантазия...

– А что, прикольно было! – вскинулся Ванька. – И хорошо подействовало, я же видел!

– Ты, Ванёк, – строго сказал ему брат, – конечно, умный. Но всё-таки ещё совсем маленький...

– Зато ты жутко старенький! – возмутился Ванька. – На целых два года и три с половиной месяца! Прямо уже на пенсию пора, песочек сыплется...

Саня в их перепалку влезать не стал, но про себя решил: а ведь Серёга прав! Без толку оказались все их затейливо слепленные иллюзии. Без толку все эти пугалочки. И без толку волшебство, когда у человека такая беда.

– Чайник поставим? – предложила Лиска. – И заварим со зверобоем, я принесла. Между прочим, реально успокаивает нервы.

5.

Как-то само получилось, что за Мишкой они пошли вместе. Лиска никуда не торопилась.

– У мамы сессия, раньше девяти сейчас и не приходит, – пояснила она. – Коты накормлены, уроков делать не надо...

Саня кивнул и подумал – как же хорошо, что уже незачем оглядываться по сторонам: не шпионят ли за ними семибешники, не донесут ли Снегирям? Как-то мгновенно рассосался бойкот, буквально за день. В тот понедельник Макс извинился за себя и за Дашку, а во вторник с Саней уже общались, будто ничего и не было. Особенно радовался Репейников.

– А что это у тебя за крутые друзья, которых даже Боров боится? – первым делом спросил он, убедившись, что уже можно.

– Да так... – изобразил он лицом безразличие, а сам тем временем лихорадочно сочинял версию. – Короче, у меня в Краснодаре друг остался, Женька, а его старший брат здесь, в Москве учится... В академии ФСБ... и занимается китайским единоборством Вин Чун в секретной секции, только для особо надёжных людей. Ну и Женька мне дал его контакт и сказал, что если проблемы какие, звонить Владу. Я про это сперва даже как-то забыл, а когда руслановская компашка стала докапываться, вспомнил. Короче, приехали эти ушуисты-эфэсбешники и таких руслановским навешали... сказали, ещё одна жалоба на вас от Лаптева – и увезём вас в лес, заставим выкопать треугольную яму три на четыре метра, и закопаем.

– А почему треугольную? – Петька от удивления даже рот раскрыл.

– Потому что не круглую! – сурово пояснил Саня, давая понять, что разглашать профессиональные тайны эфэсбешников он не вправе.

А вот на Лиску во вторник ещё пытались наезжать, по старой памяти. После седьмого урока, уже на школьном дворе, Хруничев с Князевым принялись орать ей вслед: «Жа-ба!», и Саня, увидев это, собрался уже навешать им пинков – не волшебных, а вполне себе человеческих. Но его опередил Макс. Подошёл сзади к одноклассникам, обеими руками взял их за шкирки и резко рванул на себя.

– Всё, пацаны! Программа выполнила недопустимую операцию и будет закрыта. Лягушкину больше не трогать, иначе по стенкам размажу. Тебя по левой, а тебя по правой.

Так завершилась полутораговая травля.

– Всё-таки что ты с ним сделал? – помолчав, спросила Лиска.

– С кем? – Саня думал сейчас о несчастном Костике Рожкове и сходу не врубился, о чём речь.

– Да с Максом Снегирёвым! – пояснила Лиска. – Он же прямо как другой человек стал! Даже извинился! Может, это он вообще впервые в жизни!

Саня задумался. Говорить или нет? Клятву Макс давал, что никогда, никому? Ну, пусть не клятву, а слово, но какая разница? С другой стороны, было же и встречное условие – чтобы и Макс, и Дашка перед Лиской извинились. А извинился только Макс, значит, условие выполнено наполовину. Тогда и своё слово можно держать наполовину, чтобы всё было по-честному. То есть никогда и никому – кроме Лиски. Она же, как сказал бы папа, лицо заинтересованное...

– В общем, так, – начал он. – Во-первых, обещай, что не расскажешь никогда и никому...

– Ну само собой, – согласилась она. – Я не из трепливых.

– В общем, так: у Снегирей мама психически больная. Ты об этом знаешь?

– В первый раз слышу! – удивилась Лиска. – И что?

– И то! Они думают, будто ты про их маму в курсе, потому что видела её в психушке, когда со своей мамой навещали эту вашу шизанутую соседку тётю Клаву. Ты снегирёвскую маму не узнала, а она тебя узнала, и решила, будто ты всем в школе рассказывать начнёшь... а учителя узнают и настучат в опеку. Знаешь, что такое опека? Это такие тётки, которые типа о детях заботятся, и отбирают их у плохих родителей, отправляют в детдом. Короче, снегирёвская мама запудрила Макс и Дашке мозги, что ты в любой момент растрепеешь, дойдёт до Елеша, Елеша стукнет в опеку, опека придёт с ментами и заберёт Снегирей. И вот чтобы ты никому не растрепала, они решили тебя из школы выжить. Доводить по-всякому, чтобы ты сама в другую школу перевелась.

– Во идиоты! – с чувством сказал Лиска. – Неужели не могли по-человечески подойти и сказать: не болтай?

– Да потому что Снегири! – махнул рукой Саня. – Они ж не могут по-человечески, они типа самые умные, самые крутые, они будут как танк переть на стенку, даже если можно рядом объехать.

– Интересно, почему это их мама, вообразила, будто я её узнала? – не унималась Лиска. – Я ж её не знаю!

– Потому что ты поздоровалась, – терпеливо объяснил Саня.

– Ну так я же со всеми поздоровалась, это в холле на первом этаже было, там у них типа зоны отдыха... и было их человек пять рядом с тётей Клавой. Ну я и сказала «Здравствуйте!» Всем!

– А вот она, их мама, решила, что ты именно с ней поздоровалась, потому что узнала.

– Где ж я могла её узнать? – Лиска пожалала плечами.

– Да мало ли... Макс говорил, их мама, когда в норме, вместе с классом на всякие экскурсии ездила, помогала Елеше новогодние огоньки устраивать.

– Во логика! – восхитилась Лиска. – Ну, пару раз крутились там какие-то тётки из родителей, так на них же не написано, чьи они мамы! Чем она вообще думает?

– Женская логика! – ехидно пояснил Саня. – Это когда считают, что если что-то может быть, значит, оно ровно так и есть. Типа если в лесу на турслёте меня мог укусить клещ – значит, меня сто процентов укусил клещ! Вот ты смеёшься, – мрачно посмотрел он на Лиску, – а мне мама в понедельник укол делала. Антиклещиный. Специально с работы ампулу при-тащила. Между прочим, очень больно.

– А меня она почему знает? – вместо того, чтобы посочувствовать, спросила Лиска. Но тут же сама и сообразила: – Точно! 19 октября же был концерт, в актовом зале, для родителей. Ну там Пушкин, день рождения лица, Елеша с Антониной бегали, кудахтали: славные традиции, юные таланты... Ну и велели мне стихи со сцены почитать. А мне что? Мне не жалко. Почитала. Вот, наверное, тогда их мама меня и запомнила.

Саня кивнул. Эта версия многое объясняла.

– Значит, обычное недоразумение! – вздохнула Лиска. – Я-то думала, там что-то очень сложное, очень глубокое... например, Макс в меня влюбился, и сам себя за это презирает... или Дашка меня ревнует к кому-то... только я без понятия, к кому. А ларчик просто открывался!

– Как бы теперь этот ларчик закрыть? – проворчал Саня. – Тут же первое правило волнорезовца в чистом виде. Дети в беде! Что, Снегири, по-твоему, не дети?

– Дети, – секунду помедлив, согласилась Лиска.

– И в беде! – добавил Саня. – Их же по правде в любой момент могут у мамы отобрать и в детдом засунуть. Всё тайное, как говорит мой папа, рано или поздно становится явным. Ну вот ты про их маму не расскажешь, а кто-то другой увидит – и расскажет. Или ещё проще – она по-новой в больницу попадёт, с обострением, а там какая-нибудь вредная врачиха возьмёт и сообщит в школу. И всё, буль-буль, карасики! – вспомнил он другое папино выражение.

– А точно в опеке такие злые тётки сидят? – недоверчиво спросила Лиска. – Может, они вполне себе нормальные, а у Снегирей опять женская логика работает... хотя на самом деле не женская, а просто идиотская. То есть ты сам сказал – если что-то может быть, значит, так оно и есть. Если в опеке могут быть злые тётки – значит, все тётки во всех отделах опеки обязательно злые крокодилихи.

– Может, и не крокодилихи, – вздохнул Саня, – но Макс говорил, таких случаев полно, когда у нормальных родителей детей отбирают. За то, что бедные, или права качают. А тут вообще ненормальная. На всю голову больная.

– А может, и не на всю! – предположила Лиска. – Это проверить надо. Причём именно тебе.

– Почему мне? – не понял Саня.

– Элементарно, Ватсон! – иронически протянула Лиска. – Кое-кто сейчас про первое правило твердил, про детей в беде. Ну да, дети, ну да, в беде. Кто обнаружил? Ты! Значит, тебе этим и заниматься. Вот как Аня своим Костиком занимается, Дима – Ромкой Дубовым... и у меня тоже проекты есть... Вот и у тебя теперь... «Ладонь», конечно, поможет, если надо. Без вопросов! Только всё равно ты здесь главный. Кстати, поздравляю! Первый твой самостоятельный проект, и всего через месяц после вступления в «Волнорез». Хороший темп...

Саня не стал говорить, что всё-таки первый проект был немножко другим – избавить Лиску от снегирёвской травли. Правда, одно с другим настолько связано...

– И что же мне делать? – недоумённо протянул он.

– Для начала напросись к ним в гости, – предложила Лиска. – Посмотри своими глазами, что там и как. Что у них за мама, насколько больная, что вообще за обстановочка... Потом уже будет виднее. И поторопись, кстати. Сегодня вторник, в пятницу практика закончится, и Макса с Дашкой, может, куда-нибудь из города отправят. К родственникам каким-нибудь, или в лагерь.

– Ага! – кивнул Саня. – Идея хорошая. Только бы они меня не обломали. На фиг я им сдался, Снегирям?

– Не, – усмехнулась Лиска. – Вот уж точно не на фиг. Они ведь помнят, что ты их тайну знаешь. Небось, Макс жалеет уже, что рассказал... Короче, они хитрые, они вокруг тебя сейчас виться будут, политику какую-то выстраивать. На фиг уж точно не пошлют.

С Лиской они попрощались у ограды детсада.

– Знаешь, не хочу отсвечивать, – смущённо объяснила она. – А то твой мелкий ещё начнёт заявлять, что я типа твоя девушка, или вообще жена!

– Ни фига себе! – присвистнул Саня. – Как тебе такое в голову пришло?

– Горький опыт, – усмехнулась Лиска. – У Данилы сестрица есть, шестилетняя, и осенью он вот так же за ней в сад пошёл, а за ним Анька наша увязалась. Ну и потом пожалуйста, получите-распишитесь: «а когда будет свадьба?», «а у вас сколько детей будет?», «а я свои игрушки для ваших детей не отдам!» Анька говорила, что вся красная была, ну и Данила тоже. Так что знаешь... давай не будем афишировать наши отношения.

И удалилась, оставив Саню в некотором обалдении.

Впрочем, это обалдение было ещё так себе, терпимое. Настоящее случилось парой минут спустя.

– Так его же папа забрал, только что! – удивлённо колыхнула покрашенными ресницами Ольга Степановна, новая Мишкина воспитательница. Она работала тут всего две недели, но уже успела надоесть Мишке хуже манной каши. «Она глупая, – мрачно объяснял тот, – потому что ни одной сказки не знает. Только по книжке! И заставляет с девчонками играть в куличики!»

– Вы что? – вылупился на неё Саня. – Как папа забрал? Он же до вечера на службе!

Воспитательница побагровела.

– Мальчик, я тебе русским языком говорю: Мишу Лаптева забрал отец! Минут десять назад, ну, может, пятнадцать. Что тут непонятного?

Саня почувствовал, как по спине пробежал холодок. Пусть это будет ошибкой, недо-
разумением!

– Да всё непонятно! – заявил он, глядя на свои успевшие уже слегка загореть ноги. –
Погодите, сейчас я папе наберу.

«Абонент вне зоны действия сети» – равнодушно сообщил ему женский голос.

– Не отвечает, – хмуро сказал он. – А откуда вы знаете, что это именно наш папа был?
Вы что, раньше его видели?

Этого быть не могло – Мишку всегда забирал или Саня, или мама. Папа, наверное,
даже понятия не имел, где располагается детский сад. В пять часов он либо находился на
службе, либо отсыпался дома.

– Мне достаточно того, что ребёнок не стал заявлять, будто не знает этого мужчину, –
холодно заявила Ольга Викторовна.

Саня вздохнул. Ведь не для себя же... для Мишки... значит, можно! Толкнул спящий
белый шарик – не ласково, как раньше, а резко... как делал это в Пензе папа, когда поднимал
его ни свет ни заря для утренних пробежек. Подъём, волшебство! У нас проблемы!

Цветок эмоций немедленно расцвёл над головой воспитательницы. Ослепи-
тельно-лиловый ужас... голубоватый стыд... жёлтая тревога, тёмно-синее удивление. А вот
алой злобы не было совсем – и Саня понял, что, наезжая на него, Ольга Викторовна попросту
прячется от своего страха. Как ребёнок под одеяло от придуманных им ночных монстров.
Только сейчас ничего она не придумывала.

Саня развеял цветок и попробовал другую волшебку, которой на днях научил его Дима.

– Это называется «запах лжи», – объяснял он. – Волшебство непростое. Силы особо
много не требует, но тут масса тонкостей. Тебе же надо понять, врёт ли человек. Но если
он не врёт, а просто волнуется, то выглядит очень похоже... запах почти такой же... А ещё
бывает, что говорит неправду, но сам в неё верит... не вообще всегда верит, а вот именно
сейчас... типа сам себя убедил, что это правда. И тогда тоже не поймёшь. Короче, активируй
волшебство и представляй, чем от него тянет. Если врёт – то как будто гнилое что-то... а
если волнуется, то больше на тухлую рыбу похоже. Прикинь, как сложно, когда и то, и то
одновременно!

Тогда, на занятии, у него кое-как получилось. Тренировался на Диме – на ком же ещё?

– Я буду говорить сейчас разные вещи, – заявил тот. – Правду и ложь. А ты лови запахи
и говори, где что.

– А запах правды бывает? – на всякий случай уточнил Саня.

– Нет! – сухо ответил Дима. – Ну вот сам прикинь, какая она, правда? Она ж у каждого
своя.

– Ну что дважды два четыре – это правда для всех! – возразил Саня. – И что земля
круглая, и что закон Паскаля... – вовремя вспомнилась ему физичка Евгения Борисовна.

– Ну, такая правда, конечно, общая! – согласился Дима. – Только мы ж не про это гово-
рим. Такую правду волшебством проверять бесполезно. А вот если твоя училка по русскому
говорит, что ты русский знаешь на три – это правда?

– Конечно, нет! – возмутился Саня. – У меня в году четвёрка вышла!

– А если она думает, что просто натянула тебе эту четвёрку, а на самом деле у тебя
уровень троечника? – ехидно оскалился Дима. – Тройки же были, правда?

– Правда, – пришлось признать очевидное.

– Ну вот! Ты считаешь, что знаешь русский на четыре – и ты по-своему прав, потому
что в году у тебя четвёрка. Она считает, что знаешь на три, и тоже по-своему права, потому

что у тебя тройки были... и, наверное, много. У тебя своя правда, у неё своя. И что, по-моему, эти правды пахнут одинаково? Так не бывает!

...Сейчас никакой гнили Саня не уловил. Воспиталка не врала. А к тому же и неразобранные ещё дети подтвердили: «Ага! Мишу папа забрал! Высокий такой! Кудрявый! В чёрных штанах!»

– Знаете что, Ольга Викторовна, – сказал он, усыпив волшебство, – вы свой номер телефона мне дайте. На всякий случай. А я сейчас сразу домой, вдруг и правда папа раньше обычного пришёл.

Он говорил это и отчаянно понимал: ничего не правда! Чёрные штаны ещё ладно... хотя со службы папа пришёл бы в форме, но кудрявый – это сто процентов не по адресу. Волосы и у папы, и у него, и у Мишки были прямыми, лишь слегка выющимися, до кудрей – как до Луны.

Конечно же, побежал он не домой. Что толку? Гораздо полезнее обследовать ближайшие улицы. Десять-пятнадцать минут? Если пешком, то до метро ещё не дошли. Значит, можно взять пеленг на Мишку! Как недавно Ванька на Костика.

Ага, размечтался! Во-первых, пеленгу его пока не учили, а начнёшь осваивать методом тыка – всё волшебство растратишь. Во-вторых, где взять предмет, который держал Мишка? Только дома! Но пока добежишь дотуда, пока настроишься...

И всё-таки он попробовал. Отошёл подальше, чтобы не привлекать лишнего внимания, закрыл глаза, толкнул не успевший ещё как следует заснуть белый шарик. Образ цели... ну конечно же, Мишка. Серо-голубые хитрые глаза, царапина на левой ладони – утащил недавно Санин перочинный ножик и решил заняться резьбой по дереву... то есть по серванту, над которым так тряслась квартирная хозяйка... и повезло ещё, что порезался раньше, чем угробил чужую мебель...

Единственное, чем помогло волшебство – он почувствовал Мишку. Ни расстояния, ни направления определить не удавалось, но посланная к брату волна не растаяла в пространстве, а вернулась обратно. Был отзвук, был. То есть, по крайней мере, Мишка жив.

Пока жив! – толкнулась в мозгу мрачная мысль. Саня цыкнул на неё, как на вредную мышь – прошлым летом у Овсянниковых от них прохода не было.

На всякий случай побежал к метро. Спустил минуту сообразил, что бесполезно. И не успеет, и с чего он взял, что таинственный кудрявый похититель направится именно туда? А если у него машина? Даже скорее всего машина. Ведь если тащить украденного ребёнка в метро, в толпе людей – вдруг ребёнок опомнится и начнёт орать?

И другой мышью – а может быть, и крысой! – грызла не менее мрачная мысль: а почему вообще Мишка пошёл с этим дядькой, почему не заявил воспиталке, что это не папа, а какой-то конь в пальто? Ведь сколько раз ему внушали: не подходи к незнакомым людям! Не отвечай, если начинают с тобой говорить! И кричи погромче, если к тебе прикасаются. И вот, пожалуйста! Слово этот кудрявый перец погладил ему мозги! Но такого не бывает, волшебство – оно же не для взрослых!

Дома, конечно, было пусто. Ни папы, ни Мишки... и мама на работе... сразу после майских удалось всё-таки устроиться медсестрой в какую-то ведомственную поликлинику... краем уха Саня уловил, что помог тот самый папин полковник Лебедев, к которому так и не довелось сходить в гости...

Пришлось её вызванивать.

– Мама, – начал он. – Ты только не пугайся и не волнуйся. Просто Мишка пропал... Ну, короче, я пришёл на ним в сад, а Ольга Степановна сказала, будто его только что какой-то мужчина забрал... она подумала, что наш папа. Я папе стал набирать, а у него мобильник отключён... вне зоны доступа. Да, я дома сейчас! Понял, жду!

Ждать и догонять – хуже всего, вспомнилась фраза бабы Люды. Сейчас он понял это по-настоящему. Мысли – одна другой хуже – царапали мозг, и ничем их невозможно было отогнать. Он врубил комп, открыл вконтакте – пусто... если не считать прикольной картинки, которой поделился с ним Петька Репейников. Сейчас, правда, картинка прикольной не казалась, а вовсе даже дурацкой. Загрузил «С.Т.А.Л.К.Е.Р. а» – и вышел из игры через минуту. Поотжимался даже, но и это не помогло.

Что же с Мишкой? Кто его увёл? Зачем? Почему дура-воспиталка, впервые увидев этого мужика, не спросила документ, а так вот сходу отдала ребёнка? Почему Мишка послушно пошёл с кудрявым «папой»? Чем всё это кончится?

Немедленно вспомнились ужасные истории, о которых и по телеку рассказывали, и в газетах писали, и в интернете. Саня особо не вникал – слишком уж неприятным холодком тянуло от этого – но то, что слышалось когда-то краем уха, сейчас вынырнуло из глубины и нагло плескалось на поверхности... как лягушка в пожарной бочке... тем летом у Овсянниковых он специально поймал лягушку и кинул в бочку – чтобы развлечь тогда ещё трехлетнего Мишку – и нарвался на выговор от дяди Яши: незачем земноводное мучить, оно ж не просто «водное», а именно что *земноводное*, то есть для полноты счастья ему нужна земля.

Лягушка! То есть Лягушкина! То есть Лиска! Нужно немедленно ей звонить – пусть собирает всех! Всю «Ладонь»! Вот настоящее волнорезовское дело... это не наркоману Костеньке спектакли разыгрывать!

Но только он вынул смартфон – прибежала из своей поликлиники мама. Саня вздохнул и вышел ей навстречу.

Вопреки его ожиданиям, мама не начала рыдать, хлопаться в обморок и вообще вести себя, как положено слабым женщинам в её любимых телесериалах. Вместо этого она в подробностях выспросила всё, что было в детском саду, и даже похвалила, что догадался записать воспитателю телефон.

– Вот же коза драная! – высказалась она непедагогично. – Отдала ребёнка хрен знает кому, паспорт не спросила, будто так и надо! Ладно, сейчас раскисать некогда, надо действовать.

Первым делом позвонила папе – и ей повезло, абонент на этот раз оказался доступен. Быстро и сухо объяснила ситуацию, помолчала, слушая ответ. Потом нажала «отбой».

– Значит, так! Сейчас мы с тобой идём в полицию, пишем заявление. Ты ещё раз там во всех деталях расскажешь, что было в детском саду. Кстати, какие дети там говорили, что кудрявый и чёрные брюки? Ты этих детей запомнил?

– Вадика Зайцева запомнил, это ж Мишкин друг, – кивнул Саня. – И ещё две девчонки какие-то, я их не знаю. Мишка же у нас с девчонками не водится...

Сказал – и вновь обдало холодом. А что, если брат уже *никогда* с девчонками водиться не будет? И вообще ни с кем?

– Причешись! – велела мама. – Не хватало ещё, чтобы в полиции выглядел как чучело. И главное, не зажимайся там, всё рассказывай. И пусть только попробуют не принять заявление! Я их в блин раскатаю! Немедленно в службу собственной безопасности позвоню! И папа, кстати, тоже сейчас не мух ловит... обещал по своим армейским каналам поиск зарядить. Не знаю уж, что у него там за каналы, но хуже уж точно не будет!

6.

– Так-так, мальчик... А во сколько точно ты пришёл в детский сад? Почему уверен, что ровно в пять? А ты смотрел на часы? А каким путём ты в детский сад шёл? Откуда?

Саня вздохнул. Вот уже в третий раз приходится рассказывать. Сперва – сухому как вобла, дежурному, с глазами подстать этой же самой вяленой вобле, то есть никакими. Потом – совсем молодому парню... будь правдой его придумка про Женькиного брата Влада, обучающегося в школе ФСБ – этот лейтенант Сухобреев мог бы оказаться Владу ровесником. Только вот на самом деле никакого брата у Женьки не было. Лейтенант оказался потрясающе вежлив, постоянно извинялся непонятно за что, умолял не волноваться – «вы очень вовремя обратились, мы железно его найдём, мы сейчас объявим план перехват». Потом, старательно записав всё, что говорили Саня с мамой, убежал куда-то с этими бумажками, долго бродил где-то – за это время Саня, чтобы совсем уж головой не подвинуться, вспоминал реки Африки и Северной Америки, даты Грюнвальдской битвы и войны Алой и Белой Розы, закон рычага и определение функции... что угодно, любую школьную фигню, лишь бы не думать, что время уходит, а Мишка – неизвестно где, неизвестно, в чьих лапах. Мохнатых, когтистых лапах... как у кровососа или орка.

А о чём размышляла в это время мама – он даже не хотел думать. Что у неё давление подскочит, если уже не подскочило – сто процентов. Но если бы она сейчас рыдала или орала на всех – и то было бы легче. А вот когда она сидит закаменевшая, сжимает узкими белыми пальцами чёрный ремёшок сумочки – это куда страшнее.

Затем вернулся юный Сухобреев и сказал, что с ними хочет поговорить начальник отделения, подполковник Булыжников, ждёт на третьем этаже, в шестнадцатом кабинете. Мама молча поднялась – движением робота из американских фильмов, кивнула Сане, и они в сопровождении услужливого лейтенанта поднялись к начальнику.

Вопреки своей фамилии, подполковник Булыжников оказался вовсе не мрачным. Кругленький, лысенький, с маленькими хитрыми глазками.

– Я уже в курсе, Екатерина Николаевна, – сообщил он, разворачиваясь к ним вместе с огромным креслом, в котором могли бы и два подполковника уместиться. – Ситуация действительно чрезвычайная, давно такого не было. Вы успокойтесь, всё обязательно хорошо кончится. Может, вам водички? Жарко ведь. Тебе, Саша, может, тоже попить? Ты в какой класс перешёл? В восьмой? Молодцом! А учишься как? Троечки есть? Это нехорошо, с тройками надо бороться! А как, значит, воспитательницу зовут? Ольга Степановна? Говорите, она недавно работает?

Что Булыжников фигнёй страдает? При чём тут его тройки, при чём восьмой класс? Тут каждая минута на счету! На месте подполковника Саня немедленно поднял бы всех полицейских со служебными собаками, дал бы им понюхать Мишкины игрушки, и вперёд! Вообще, зачем он, Саня, тратит здесь время? Давно уже надо собирать волнорезовских, брать пеленг на Мишку...

Он снова разбудил волшебство, потянулся мысленно к брату. Да, жив... и вроде бы испуган, но ничего не болит... Пока... Ни направления, ни расстояния взять не удалось. А вот если бы можно было дать волшебство служебным собакам... как бы расширились их возможности – и нюхательные, и умственные! Овчарка-волшебница! Ей только в двух словах опиши проблему – и она, как серая молния, помчится туда, где Мишка... и никакие бандитские пули ей не страшны... увернётся, прикроется завесой... а самое главное, никаких ей правил номер раз. Как доберётся до гадов – всех в клочья!

– А что за дети подтвердили, что Миша послушно пошёл с этим мужчиной? – не унимался подполковник. – Ты их фамилии знаешь?

– Одного знаю, это Мишкин друг, Вадик Зайцев, – в третий раз (или в четвёртый, если считать маму) ответил Саня. – А девчонок не знаю. Но это можно спросить у Ольги Степановны. Я её телефон забил в мобильник.

– Очень, очень предусмотрительно! – восхитился Булыжников. – Настоящее оперативное мышление! Ты, когда вырастешь, не собираешься в полицию? Нам нужны такие люди! А как была одета Ольга Степановна, помнишь?

Ох, ещё и это... ему что, делать нечего? Сейчас спросит, какой цвет глаз у Вадика Зайцева, какие каши любил... то есть любит! – Мишка, в какое море впадает Волга...

На всякий случай он посмотрел подполковничий цветок эмоций. Вроде бы это нельзя считать нарушением правила номер два – ведь не для себя же, а для пользы дела! Густо-жёлтым клубилась тревога, голубовато-серым – тоска, тускло-малиновым, словно остывающие угли костра, тлею сочувствие... и нестерпимо ярко алела злость. Не на них с мамой, а на кого-то другого... или даже не на кого-то, а на что-то... И потягивало от Булыжникова гнилью лжи. Не так, чтобы совсем в нос шибало, но спутать этот запах ни с чем было нельзя.

– Огромное спасибо! – спустя два часа произнёс подполковник и вытер вспотевшее лицо белым носовым платком. – Вы дали очень ценные показания, и мы всё сделаем по максимуму! Найдём вашего мальчика, не сомневайтесь! Знаете, люди сейчас не очень-то нам, то есть полиции, доверяют, потому что продажная пресса раздувает отдельные недостатки. Но это заблуждение! Мы работаем, и весьма эффективно работаем! Сами посудите – иначе бы на улицу невозможно было выйти, все бы вокруг стреляли, грабили, насиловали... ой, извините. В общем, в таких случаях, как ваш, раскрываемость более восьмидесяти процентов. Мы немедленно начинаем оперативно-разыскные мероприятия. Вот визитку возьмите, со всеми контактами. И сами всё время будьте на связи, в любой момент может потребоваться что-то уточнить. И если вдруг у вас какая информация – ну, звонок какой-то от похитителей, письмо – немедленно звоните, даже ночью! Прямо лейтенанту Сухобрееву, он этим делом будет заниматься. Вы не смотрите, что молодой! Молодой, да настырный! И не переживайте вы так, всё образуется...

Домой они вернулись в десятом часу. Красно-оранжевое солнце медленно клонилось к горизонту, ни облачка не было на небе, в тёплом воздухе плыли запахи сирени, бензина, масляной краски. И даже откуда-то доносилось тихое пение кукушки. Из парка, может? В другое бы время радоваться погоде и природе, но сейчас всё казалось пустым и серым.

– А я думал, они нас на фиг пошлют! – уже возле подъезда сказал Саня. Хотелось хоть как-то нарушить это каменное молчание.

– Что ты, – усмехнулась мама. – Это же не просто потерялся ребёнок, это похищение... то есть совсем другая статья. И они действительно будут землю рыть... только вот много ли нароют?

И она, притянув к себе Саню, крепко обняла его, коснулась сухими губами макушки.

Папа уже был дома. Наверное, только что пришёл, потому что оставался в военном. И лицо у него было как и в тот раз – серо-стальное, будто у киборга, в чьё механическое тело вложили человеческий мозг.

– Ну что? – ровным, бесцветным голосом спросил он.

– Ничего, – так же спокойно сообщила мама. – Записали показания, тянули резину... Трижды Саню расспрашивали и записывали. Вот скажи, зачем? Им нечем заняться, да?

– Обычная практика, – отозвался папа. – Это нормально. Когда человек даёт показания разным людям, он рассказывает каждый раз чуток иначе, и иногда выплывают какие-то детали, которые он сам считает неважными... а они для следствия очень даже важны. А ещё – так проверяют, не придумано ли это всё. Потому что когда придумано, то при каждом новом пересказе возрастает шанс проколоться. В общем, тут они правы. Я другого боюсь – медленно раскачиваться будут. Здесь же не силами одного отделения работать надо, здесь

нужен общегородской розыск. Так что вы пока ужинайте, а я ещё несколько звонков сделаю. Попробую смежников подключить, из параллельной структуры.

Даже сейчас папа избегал ясных выражений. Странная всё-таки у него служба, в очередной раз подумал Саня. Войска особого назначения – это что? Артиллерия – ясно, десант – ясно, ракетчики – ясно. А чем занимается папа? Где располагается его военная часть? Молчит.

Потому что секретность. Прямо как у них в «Волнорезе», только по-взрослому. Что ж, значит, ему тоже придётся сделать несколько звонков. Да хотя бы и один звонок.

Чтобы мама не услышала, он пошёл в ванную – как бы руки помыть перед ужином, пустил мощную струю воды и достал смартфон.

– Дим, привет! – Лиску он решил не беспокоить, всё-таки слабая женская натура... всё равно узнает, но пусть уж попозже. – Слушай, у меня проблемы... очень серьёзные. Лучше встретиться. Нет, к тебе вряд ли пустят. Подходи лучше к моему подъезду, и набери, как придёшь, я спущусь.

Ужинали сосисками и макаронами – всё так же молча. Папа наконец вышел из комнаты и тоже ничего говорить не стал. Тишина висела в воздухе, как огромная прозрачная медуза – и, как медуза, обжигала.

– Мам, пап, – не выдержав, сказал Саня, – мне сейчас ненадолго надо выйти. Минут на десять!

– Что ещё такое? Зачем? – вскинулась мама. Судя по её виду, она сейчас готова была мёртвой хваткой вцепиться в единственного оставшегося сына.

– Да парень один придёт, диск с игрой заберёт, – на ходу начал сочинять Саня. – Он мне неделю назад давал, я эту игрушку уже прошёл, ну и он назад просит.

– Ты что, не понимаешь, что сейчас не до того? – мама всерьёз возмутилась, и это даже было хорошо. Пусть наорёт, пусть даже подзатыльник отвесит – впервые за много лет... главное, чтобы разрядилась, чтобы сбросила это накопившееся нервное электричество.

– Но Димка же не виноват, что у нас такие дела? – тихо возразил он. – И я же никуда с ним не пойду, на улице постою. Ты что, боишься, будто меня тоже похитят?

– Между прочим, мысль не такая уж глупая, – глядя в сторону, заметил папа. – Хотя, впрочем, это уже практически паранойя. Катя, пусть идёт. Не хватало нам сейчас ещё и поругаться. Мобильник заряжен?

– Йес! – подтвердил Саня.

– А может, лучше, пусть этот твой Димка сюда зайдёт? – предложила мама. – Кстати, что за Димка? Из твоего класса? А как его фамилия?

Ей очень не хотелось отпустить от себя Саню. Объяснить бы ей, что уж кто-кто в полной безопасности, так это он... и что вообще только он может сейчас выручить Мишку. Жаль, нельзя. И не только из-за секретности – мама тут же вообразит, будто у него сдвиг по фазе.

– Он сюда не зайдёт сто процентов, – объяснил Саня. – Он жутко стесняющийся.

– Да ладно, Катя, не вибрируй сверх необходимого, – сказал папа. – А ты, если что, сразу дави на кнопку быстрого вызова. Жаль, окна у нас на улицу выходят.

Он что, всерьёз вообразил, будто Сане что-то угрожает? Ну ладно мама, она сейчас малость не в себе. Но папа! Хладнокровный, трезвомыслящий папа!

– Никто меня не съест! – начал он, и тут запиликал звонок смартфона. – Вот! Это Димка! Я быстро.

И уже на лестнице сообразил, что так и побежал в домашних тапочках.

Дима нетерпеливо прохаживался возле подъезда – всё в той же жёлтой футболке про дыры и звёзды, всё в тех же чёрных адидасовских шортах. Прямо как тогда, первого мая.

– Ну, что стряслось? – стараясь говорить небрежно, спросил он. – Трагедия мирового масштаба?

– Да, – подтвердил Саня. – Мирового. Мишку похитили.

– Какого Мишку? – уставился на него Дима.

– Какого-какого! Да брата моего! – Саня сам не заметил, как с шёпота перешёл на крик. – Гады какие-то увели из детсада! Прямо перед моим носом!

И тут оно случилось – то, чего он всё это время так боялся. Слезы прожгли всё-таки заслон его воли и хлынули потоком. Он ревел, ненавидя себя за это, пытался остановиться – но без толку. Слишком много за эти пять часов в нём накопилось, и рвалось наружу.

Потом он замолчал – резко, внезапно, неожиданно для себя самого. Мокрые горячие дорожки ещё оставались на его щеках, но звук будто выключили поворотом рубильника.

– Пришлось чуток поволшебничать над тобой, – извиняющимся тоном объяснил Дима. – Как, сейчас можешь говорить?

Саня мрачно кивнул.

– Тогда снова, без лишних деталей. Что случилось? Когда? Что уже сделали?

Совсем без деталей не вышло, но минут в пять он уложился.

– Я понял, – Дима обнял его за плечи, сильно сжал. – Держись, не раскисай. Сейчас свяжусь с нашими, будем думать, что делать. Говоришь, волшебство показывает, что Мишка жив?

– Ага, – согласился Саня. – Жив, но напуган.

– Я думаю, что раз до сих пор жив, то убивать его вообще никто не собирается, – предположил Дима. – Значит, время у нас есть. Может, они выкуп запросят. Хотя у тебя ведь папа не банкир, не бизнесмен... но я читал, бывают случаи, когда для выкупа и у простых людей кого-то похищали. В общем, в десять утра – в штаб, объявим общий сбор. Раньше, сам понимаешь, бесполезно, почти никого не отпустят. Там уж решим, что дальше делать. С другими отрядами посоветуемся. Тут ведь ЧП общегородского масштаба, тут, наверное, надо весь московский «Волнорез» поднимать. И Подмоскovie тоже. Короче, иди домой, постарайся сберечь силу, завтра понадобится. И не паникуй, всё на самом деле будет хорошо.

С Димой, в отличие от подполковника Булыжникова, Саня не решился посмотреть цветков эмоций. Вдруг тот заметит волшебство? Поэтому так и остался в непонятках – верил ли Дима в то, что говорил?

– Ну вот, – объявил он, вернувшись на кухню. – Никто меня не похитил. И завтра поэтому я пойду к десяти в школу, на практику. Или вы решили меня на цепи держать, пока Мишка не найдётся?

– Главное, чтобы мобильник всегда при тебе был, – сухо ответил папа. – Поставь сейчас на зарядку. И проверь баланс, если мало, сейчас положу тебе с карточки. И не сиди долго за компом, спать ложись. Завтра нам всем понадобятся силы.

Интонации его сейчас очень напоминали Димины. Только не знал папа, *какие именно* силы потребуются Сане. И хорошо, что не знал.

...Спать не хотелось совершенно, но ведь и ничего другого не хотелось – поэтому он всё же разделся и лёг. По случаю жары мама заменила ему ватное одеяло на простыню, и сначала Саня укрылся с головой, чтобы ничего не видеть и не слышать. Но всё равно и видел, и слышал – плясали в зажмуренных глазах цветные пятна, расплывались кругами, рассыпались искрами, и очень напоминали цветков эмоций какого-нибудь шизика. Хотя, может, и самого Сани – свой же не увидеть, как не укусить себя за локоть.

А слышал он вообще много всего – за окном кричала ворона, лаяли бездомные собаки (спасибо, что не выли), ревели моторами машины, что-то лязгало и гремело – на той стороне мусоровоз поднимал специальным краном и вытряхивал в себя стальные контейнеры.

Это – далёкие звуки. Были и близкие – негромко тикал будильник, за дверью, на кухне, еле слышно переговаривались мама с папой. Конечно, если толкнуть сейчас волшебство, включить «длинный слух» – без проблем можно узнать, о чём речь. Ведь явно что-то не предназначенное для его ушей. Но это подло. И не потому даже, что пришлось бы нарушить правило номер два – а просто есть такое слово «западло»...

И ещё одно мешало уснуть – не звук, а отсутствие звука. Не доносилось справа сонного дыхания Мишки, не бормотал он что-то спросонья, стискивая в объятиях рыжего зайца. Заяц, впрочем, был – только молчаливый и совсем бесполезный.

Впрочем, завтра пригодится. По зайцу можно будет взять пеленг на Мишку. Ведь не просто предмет, которого он касался – а любимая вещь. «Это важно! – пояснил Ванька, когда Саня решил подробнее расспросить его про такую ценную волшебку. – Если дорогая штука... не в смысле денег, а как бы родная... то связь гораздо сильнее, и пеленг берётся легче, и на больших расстояниях. Вот меня лучше всего по велику пеленговать, а Серёгу – по планшету».

Саня подавил искушение прямо сейчас схватить зайца, врубить на полную мощность волшебство – и попытаться отыскать Мишку. Во-первых, он пока пеленговать не умеет, и, по словам Ваньки, этой волшебке быстро не обучишься, она сложная. Во-вторых, можно зря потратить всю силу, и с чем останешься завтра? В-третьих, ну узнает он расстояние и направление – чем это поможет? Сто километров к северо-западу – и что? Выскочит из квартиры и побежит на северо-запад? В трусах и тапочках? Нет уж, пусть завтра зайца крутят настоящие спецы, великие волшебники. А он – потерпит. И уснёт.

Вот досчитает слонов – и непременно уснёт. Огромных, мохнатых, хищных слонов, быстрых как молния, способных летать (уши – как вертолётные лопасти, хвост – руль), способных зарываться глубоко в землю и проделывать там огромные ходы. Кротовьи норы, чёрные дыры – сквозь которые к звёздам. А всё потому, что это не простые слоны, а мутанты. Они мутировали после первого выброса на Чернобыльской АЭС... осталось только сообразить, откуда они вообще там взялись... да неважно. Может, сбежали из Киевского зоопарка. Прибежали в Зону отчуждения – и тут бац! Гром, свист, небо красное, всё трясётся... И готово дело.

Эти слоны – ужас сталкеров. Против них бесполезен АК-74, патрон 5,45 не пробьёт толстую и прочную как сталь шкуру. И даже гранатой из подствольника не получится... разве только сразу очень много гранат выпустить. Но тут нужен целый отряд... как минимум восемь бойцов.

А он, Саня, один – если не считать, конечно, спящего под сердцем белого шарика. Белый шарик, защитный комбинезон СЕВА, чёрный автомат G36 германского производства и пять магазинов патронов. А ещё нож на поясе, две гранаты, рация, детектор аномалий – всё как обычно. И крайне мало, чтобы пробиться в тайную лабораторию X-999. Ту, где держат Мишку.

Над головой ворочались тяжёлые, похожие на тёмно-серых бегемотов тучи. Вот-вот засверкают розово-зелёные молнии, грянет гром, стеной хлынет ливень... куда там жалкой грозишке на турслёте, в Зоне и погода – аномальная.

Но бояться дождя не стоит, потому что он уже увидел вход в подземелье. Тяжёлый канализационный люк, ржавая крышка, едва заметная в зарослях осоки. И крутится рядом парочка хищных тушканов, принимаются. Этим и пистолетной пули достаточно – из тяжёлого пистолета системы «Зверобой», весьма похожего на ракетницу. Получайте, твари!

А вот чтобы открыть крышку, пришлось израсходовать одну гранату Ф2. Так... включаем налобный фонарик и спускаемся по шаткой железной лесенке... не обломила бы... Спускаемся в чёрную дыру, в полную неизвестность. Может, там, внизу, скажут стаи голод-

ных снарков, может, затаились телепаты-бюреры – не менее голодные, может, шастают стаи крыс-людоедов. А может, всё ещё хуже.

Так оно и вышло. Он без проблем спустился в бетонный бункер, набрал на панели код 4343 – прямо как отметки по русскому! – и тяжёлая дверь со всхлипом уехала в стену. Саня снял автомат с предохранителя, подкрутил фокусировку фонаря – и осторожно двинулся по длинному коридору, уходящему в бесконечность. Там, вдалеке, держали Мишку – пленённый зайчик сработал на пять с плюсом. Заяц в Саняном школьном рюкзаке плакал, ему было больно и страшно. Значит, и Мишке тоже.

Коридор постепенно расширялся, и становилось светлее – зажигались один за другим зеленоватые плафоны под потолком. Вскоре коридор вообще превратился в огромный зал, стены которого терялись в отдалении. А в центре зала стоял и делал приглашающие жесты высокий мужчина в белом халате. Чёрные кудри завивались колечками, в чёрных глазах отражались плафоны, а из-под пол халата виднелись широкие чёрные брюки.

– Давно тебя жду! – улыбнулся незнакомец. – Ты мне тоже понадобится. Хотя ты и не такой вкусный, как твой братишка, но тоже кое-что из тебя можно извлечь!

Саня ответил длинной очередью, от бедра. С мутантами у нас разговор короткий!

Но разговор всё-таки получился длинным, потому что мутант взмахнул рукой – и летящие в него тяжёлые пули 5,56 превратились в мух. Больших, гудящих мух – такие на даче у Овсянниковых постоянно крутились возле туалета в конце участка. Мухи покружились в воздухе – и послушно опустились на широкую ладонь. Мужчина скомкал их в чёрный клубок и сунул в карман халата.

– Потому что я их повелитель, – непонятно объяснил он. – И твой, кстати, тоже. Иди сюда, мальчик, сейчас тебе будет весело! Ты будешь веселиться долго... очень долго. Вот так, посмотри!

Он опять взмахнул рукой – и зал преобразился. Там, где только что не было ничего, кроме покрытого белой кафельной плиткой пола, теперь стояли рядами стеклянные шары, метра два в диаметре. А в шарах были дети.

Самые разные – от младенцев до подростков-старшеклассников. Кто-то сидел, скрючившись, уткнувшись головой в колени, кто-то яростно молотил кулаками непробиваемое стекло. Кто-то плакал навзрыд, кто-то яростно сверкал глазами, а кто-то глядел так, будто внутри у него было совсем пусто.

Саня узнал многих. Вот прилип лицом к стеклу Боров – то есть Димон Боровиков из девятого «б». То есть уже из десятого. Или, если уж совсем точно, теперь уже из никакого. Вот скалятся из шара гопники Лысый и Жжённый – шар им достался один на двоих. Вот горько рыдает восьмилетний мальчик Дениска, перемазанный зелёной масляной краской с головы до ног. Вот сгорбился Петька Репейников, молча переживает горе... а вот и Даша Снегирёва, сидит, уткнувшись лицом в колени... и на ней из одежды – только тёмно-синий купальник, а сама загорелая, будто не начало июня сейчас, а конец августа.

– Братишку высматриваешь? – улыбнулся мужчина. – Он там, далеко-далеко! – длинный, поросший рыжими волосами палец указал вправо. – А вот видишь этот уютный шарик? – палец переместился, и Саня обнаружил прямо перед собой пустую стеклянную сферу. – Он, конечно, не белый, зато для тебя! Здесь тебе будет по кайфу! А кроме того, тобой я открою новую серию в коллекции. Ты у меня получаешься первый волнорезовец! Как говорится, с почином!

Автомат не помог... наверное, от пистолета проку не больше. Но зато осталась граната... Только не повредит ли она шары, не разнесут ли осколки стекло? Саня подумал, и решил, что вряд ли. Выдернул с пояса верную надёжную Ф2, рванул чеку, бросил в мутанта, рухнул на пол, чтобы не задело самого... и не утерпел, поднял голову.

Граната взорвалась – цветными сполохами, прямо как полярное сияние. Ярко-алый соседствовал с лиловым, голубой плавно перетекал в синий, жёлтый переходил в оранжевый.

– Красиво, да? – улыбался кудрявый. – Это, кстати, и есть твой цветок эмоций! Ты же хотел его увидеть? Ну вот и наслаждайся. Скоро и локоть свой укусишь. Здесь всё лучшее – детям до шестнадцати!

Что ж, раз так – придётся волшебством. И плевать на правило номер раз! Такие твари не должны жить! Этот кудрявый – хуже всех кровососов вместе взятых! По сравнению с ним хищные слоны-мутанты – всего лишь безобидные пластмассовые слоники, вроде того, что в Краснодаре подарила Мишке тётя Тамара.

Он потянулся к белому шарiku. Просыпайся, подъём. Сейчас будет образ цели... плоский блин, в котором и чёрные кудри, и халат, и брюки... и всё остальное сольются в одну неразделимую массу.

Но шарик не проснулся. Не оказалось его под сердцем – только сосущая пустота, как после выдранного зуба (такое случилось с Саней в том сентябре... зуб, к счастью, был молочный).

– Что, Данила-мастер, не выходит каменный цветок? – издевательски протянул кудрявый. – И не старайся. Нет уже у тебя волшебства, и знаешь почему? Потому что мы с тобой общаемся про «Волнорез». Догадываешься, кто я? Соображаешь, почему волшебство твоё протухло? Когда-то, давным-давно, когда я тоже был маленький и глупый, я, как и ты, бегал спасал детишек... но с тех пор прошли сотни лет, и я поумнел, нашёл смысл жизни. У меня уже нет вашего детского волшебства, но есть другое... ведь из детей можно выкачивать энергию напрямую, и с помощью некоторых тайных формул преобразовывать её в полезную работу. В полезную для меня!

– Сволочь! – прохрипел Саня. Он пытался подняться с пола, изо всех сил толкался руками, но не мог оторвать туловище от холодного гладкого кафеля. Прямо как тогда, на физре, после полусотни отжиманий.

– Какой есть! – пожал плечами мужчина. – Зато приятно. Впрочем, что-то мы заболтались. Пора тебе в шарик. Видишь, как весело выходит? Сначала шарик был в тебе, а теперь ты будешь в шарике!

Саня заплакал – горько, безнадежно, как совсем недавно, у подъезда. И, как и в тот раз, ощутил, как сильные руки сжали ему плечи.

Но сейчас это был не Дима Якушев. Рыжий заяц выбрался из рюкзака – наверное, сумел расстегнуть изнутри молнию, и короткими передними лапами обнял Саню сзади.

– Не раскисай! Прорвёмся! – строго сказал он, и спустя секунду вырос. Если сперва он был не длиннее обычной линейки, то теперь сравнялся с Саней, но не остановился, а продолжал расти и меняться. Длинные уши его втянулись, а короткий хвост вытянулся – как и передние лапы, из которых вылезли мощные когти. Рыжая шкура покрылась чёрными полосками. И вот уже здоровенный тигр стоит над Саней, скалит пасть.

– Что это ещё за хулиганство! – раздражённо выкрикнул Кудрявый. – Вам кто позволил?

– Где бесполезно волшебство, там побеждает естество! – очень знакомым голосом произнёс тигр. И рыжей молнией взметнулся в воздух, ударил мощной лапой хозяина шаров, подмял под себя...

Когда Саня всё-таки сумел встать, никакого кудрявого уже не было. И шаров не было, и тигра... И вообще ничего, только мокрый белый туман, в котором слышался звон колокола. Непонятно откуда – казалось, сразу со всех сторон.

Он резко сел, помотал головой, открыл глаза. Комнату заливали солнечные лучи, будильник показывал восемь пятнадцать, а звенел лежащий на краю стола смартфон.

– Аллё! – прохрипел Саня, ещё не отошедший от недавних ужасов.

– В десять часов. Где всегда! – сообщил Дима и дал отбой.

– Кто звонил? – сунулся в комнату папа.

– Из школы! – сделав честные глаза, объяснил Саня. – Сказали, сегодня на практику чуть пораньше.

– Ясно, – кивнул папа. – Это я на всякий случай... вдруг что-то насчёт Мишки... Хотя вряд ли стали бы звонить на твой. Ладно, делай зарядку, одевайся, умывайся, и завтракать. Мне скоро уходить уже... по служебным делам. Телефон не забудь! Чтобы постоянно при тебе был!

– А где мама? – прыгая по комнате в поисках затерявшихся носков, спросил Саня.

– Ночью ей плохо стало, – хмуро сказал папа, – резко подскочило давление. Пришлось вызывать «скорую», её в 36-ю больницу отвезли. Я уж тебя будить не стал, ни к чему. На самом деле ничего страшного... может, ей и лучше денёк-другой побыть под наблюдением медиков... Пока не наступит ясность.

– Ты в полицию уже звонил? – Саня, наконец, поймал убежавшие под диван носки. – Есть новости?

– Звонил я Сухобрееву! – вздохнул папа. – Тот говорит, поскольку статья серьёзная, дело передают в Следственный комитет... не знаю уж, лучше это или хуже. Ну и в любом случае, будем действовать параллельными путями.

– Будем! – согласился Саня.

7.

Когда он вошёл в штаб, все уже были в сборе. Кроме Полины, которую увезли на дачу. Сидели в кухонном углу, негромко разговаривали, пили чай. Даже странно вспомнить, как совсем недавно здесь висела иллюзия – жаровня, дыба, шуршащие в гнилой соломе грызуны. Сейчас всё нормально – только вот с той разницей, что не слышен смех, никто не дурачится и не возится.

Он боялся, что все наперебой кинутся его жалеть, но такого не случилось.

– За ночь что-то новое появилось? – спросил Лёша, а Лиска молча подала чашку с чаем. Наверное, заваренном на зверобое, но сейчас он не чувствовал вкуса.

– Только то, что маму с давлением отвезли в больницу, – глядя в пол, ответил Саня. – И ещё дело из полиции передали в Следственный комитет.

– Ясно, – хмуро кивнул Лёша. – Что ж, открываем сбор. Все вроде уже в курсе проблемы? Не надо пересказывать? Хорошо. Не будем тогда терять время. У кого какие идеи?

– У меня! – как в школе, поднял руку Саня. – Надо пеленг на Мишку брать и всей толпой туда ехать. Вот, я принёс! – он вытащил из рюкзака рыжего Мишкиного зайца. Смутно помнилось, что заяц этот ему снился и что-то такое вытворял, но подробности растворились в мозгах, точно кусок сахара в чашке чая.

– Пеленг – это правильно, – кивнул Лёша. – Только не всё так просто, как тебе кажется. Ты в курсе, что точность пеленгации падает пропорционально квадрату расстояния?

– Именно так! – подтвердил учёный Серёга. – Мы в «Волне» давно этот закон вывели... ещё до меня...

– Ну-ка, дай! – Аня взяла зайца у Сани, взяла на руки, точно маленького ребёнка, задумалась на несколько секунд. – Очень далеко! – сообщила она. – Сто процентов, уже не в Москве!

– А направление? – строго спросил Дима.

– Куда-то туда! – ткнула Аня пальцем. – Это по карте нужно ориентироваться...

– Дай-ка я! – Лёша отобрал у неё зайца и тоже стал баюкать его. – Километров пятьдесят, а направление... короче, будем уточнять. Забери! – вернул он зайца Сане.

– Плохо пеленгуется? – поинтересовался Ванька.

– Тут мы своими силами не справимся, – вздохнул Лёша. – Надо поднимать другие отряды. И не только в пеленге дело. Место, может, и определим, а дальше? Тут нужны люди, у которых уже есть такой опыт. «Волкодав» точно потребуется, «Тасмания»... они похищениями занимались.

– А в чём проблема? – не понял Саня. – Главное – место определить, а дальше чепуха. Войти под завесами, забрать Мишку, и все дела...

– Не всё так просто, – на правах учителя волшебства вмешался Дима. – Если там собаки и видеокамеры, то обычные завесы не помогут, потребуется настоящая невидимость, физическая. А это дикий расход силы. И точно нужно много народу. Кто-то воздействует на электронику, кто-то на людей. И ты не думай, что все люди – как Ромкин отчим. У некоторых сопротивляемость к волшебству о-го-го какая!

– Может быть, стрелять начнут! – заметила Аня. – А я вот, например, отклонять пули не умею.

– Это называется «стальная стена», – пояснил Лёша. – Я её могу держать, но минут пять, не больше, потом сила кончается. Мы с Данилой в том году с бандочкой одной разбирались... еле ноги унесли.

– Короче, не зная броду, не суйся в воду, – поддержал его Серёга. – Один в поле не воин. Поэтому надо всех собирать, всех московских волнорезовцев.

– Да и насчёт пеленга, – заговорил Лёша тоном лектора, – чем больше опытных волшебников возьмут пеленг по одному и тому же предмету, тем меньше многоугольник ошибок. Берётся карта, наносятся точки, какие каждый определил, получается такой неправильный многоугольник. Потом в нём проводятся диагонали, и точка их пересечения – это и есть искомый объект. Правда, реально всё равно получается не точка, а фигура, но чем больше волшебников берёт пеленг, тем точнее результат.

– Ну так я посылаю вызов? – спросил Серёга.

– Посылай! – разрешил Лёша. – Сигнал три девятки.

Серёга послал вызов довольно необычным образом. Он лёг на бетонный пол, раскинул в стороны руки и ноги и сделался похож на морскую звезду.

– Ты бы хоть пенку взял, – сокрушённо сказала Лиска. – Застудишься же! Это на улице жара, а тут плюс восемнадцать... а пол вообще холоднющий!

– Не мешай, женщина! – возгласил Серёга. – Я настраиваюсь!

– Что это он делает? – шепнул Саня сидевшему слева Диме.

– Посылает вызов командирам московских отрядов, – охотно объяснил тот. – Забыл, что ли, про нашу волшебную связь? Короче, у Серёги есть на них настройка, на командиров. Он сейчас волшебство врубил и им в мозги долбится. Передаёт сигнал «999», по морзянке. Сразу всем четырнадцати. Между прочим, высший пилотаж, я так не умею, чтобы одновременно с несколькими...

– А что это за сигнал «999»? – спросил Саня.

– Высокая тревога, необходимость встречи. По этому сигналу они сейчас свои компы включают, загрузят вконтакте и дальше уже пойдёт нормальная связь, только в защищённом режиме.

Серёга между тем встал с пола, отряхнул футболку и джинсы, взял свой планшет и, склонившись над ним, принялся шустро долбить по виртуальной клавиатуре.

– А что такое защищённый режим? – вопросами Саня отгонял поселившийся в животе плотный, давящий страх. – Это что-то компьютерное?

– Нет, это тоже волшебство такое, – Дима продолжил объяснять новый материал. – Ты ж помнишь, наверное, что по сети и по телефону про волнорезовские дела говорить нельзя? В смысле, нельзя открытым текстом. Да и шифровкой тоже опасно, потому что на любой болт с хитрой нарезкой найдётся своя гайка... Но вот если защитить канал связи волшебством... любой, кто получит к нему доступ, увидит только то, что ему покажут. Можно просто шум показать, бессмысленный набор символов. Но это не лучшее решение, потому что на том конце могут насторожиться. С чего это вдруг детишки такое друг другу кидают? Нет ли тут хитрости? А можно реальную инфу скрыть, а поверх неё обычное что-то написать. Вот сейчас если кто Серёгин планшет взломает, увидит, что он ребятам анекдоты посылает. Неприличные! Как и положено в нашем возрасте, – хихикнул Дима. – И у тех ребят тоже в переписке только анекдоты останутся. А наш Серёга, между прочим, такие анекдоты ненавидит. И вообще матерщину не выносит.

– Это точно! – подтвердил подкравшийся сзади Ванька. – Когда мне восемь лет было и я при нём ругнулся, он меня в ванную потащил и заставил вымыть рот с мылом.

– Тебе это стопудово полезно было! – заметил Дима. – Короче, такое волшебство не всем доступно. Я вот защищённый режим так и не освоил, да и Лёха едва-едва. Зато Серёга у нас в «Ладони» – связной суперский! И в каждом отряде есть свои связные. Сейчас он командирам рассказывает твою ситуацию и договаривается об общем сборе.

Минут пять все сидели молча, стараясь разговорами не мешать Серёге. Это ведь не хухры-мухры – чатиться одновременно с четырнадцатью людьми, говорить о деле, но при этом прикрываться анекдотами... причём, скорее всего, разными.

– Готово! – Серёга резко поднялся, сделал несколько наклонов вправо-влево, потом убрал планшет в кожаный чехол. – Короче, встречаемся в два часа, в Измайловском парке, у Круглого пруда. Раньше никак не выходит... некоторым часа полтора только ехать, а ведь им же ещё своих ребят оповестить надо.

– Серёжа! Чаю! – протянула ему чашку Лиска. – Сахара я положила пять ложек! Варенье кончилось, но есть шоколадка – давай, восстанавливай силы. Между прочим, что-то давно никто не обновлял наши сладкие припасы. Как пряники жрать – все первые...

Виноватое молчание было ей ответом.

В парк вышли с большим запасом по времени.

– Напоминаю, – предупредил Лёша, – на улице никаких разговоров по делу. Мы типичные подростки-раздолбаи, идём гулять... вместо того, чтобы заниматься полезными вещами... ну там к экзаменам готовиться, дома убираться, спортом заниматься. Всем ясно? Если что-то срочное, неслышимку врубайте. Хотя лучше бы силы поэкономить.

И это было мучительно – целый час тащиться до парка, изображая обычных школьников, разговаривать о ерунде, покупать по дороге мороженое... Сане оно казалось липким и противным. В животе ворочался плотный ком, шумело в ушах. Что с Мишкой? Где он? Очень хотелось упросить Лёшу поэкспериментировать с зайцем прямо сейчас, но он понимал: надо дотерпеть до парка.

Вновь ему подумалось: когда у тебя беда, а вокруг отличная погода – в этом есть какое-то особое издевательство. Солнышко светит, птички поют, сирень пахнет... а у тебя украли брата. И хоть пока не убили, не замучили, но ведь в любой момент...

Силу, конечно, стоило экономить, но пару раз он всё-таки потянулся волшебством к Мишке, и чуть успокоился: жив, и ничего не болит. «Пока»! – тяжёлым молотом било по мозгам. Ведь в любой момент этот кудрявый гад может... да что угодно может...

Круглый пруд в Измайловском парке только называется круглым, на самом деле он овальный, в ширину больше, чем в длину. Совсем как крокодил из известного прикола... который длиннее, чем зеленее, и зеленее, чем шире... а дальше доказывается, что поэтому он не существует. А Мишка, подслушав, внёс уточнение: «Это потому, что он солнце проглотил! А оно жжётся, вот он и сгорел!» И снова сдавило внутри...

Народу, несмотря на будний день, было довольно много. Неспешно гуляли бабушки и дедушки с мелкими внуками – от колясочного возраста до первоклашечного. Таких, как Мишка, тоже хватало – они бегали, визжали, просили купить мороженое... и никто из них не мог и представить, что кудрявый мутант может поманить тебя пальчиком, и ты пойдёшь за ним в подземелье, в чёрный коридор, который расширяется и превращается в зал...

Но кроме бабушек и внуков, тут и всяких разных было полно. Взад-вперёд носились люди на роликах, причём и взрослые тоже. Саню поразила одна тётенька, а то и бабушка по виду. Заложив руки за спину, она лихо неслась по асфальту, ловко огибая препятствия.

– Во дает бабка! – одобрительно заметил Ванька. – Крутая!

– Наверное, бывшая фигуристка, – предположила Аня.

Помимо роликов, тут рассекали и велосипедисты – эти в большинстве своём были уже взрослые и катались не просто так, а куда-то стремились. Каждый к своему «образу цели».

И конечно, гремела музыка, дымно и прянно пахло шашлыками, толпы жаждущих осаждали тележки с газировкой и мороженым.

– Ага, вот уже и наши стоят! – Лёша мотнул головой влево, к небольшой группке подростков лет четырнадцати-пятнадцати. – Генка из «Лунного пламени» и его команда. Им тут близко, они на Соколинке обитают. – Пошли к ним!

– Привет, «ладошки»! – крикнул им высокий, русоволосый Генка. – А мы тут уже минут пятнадцать загораем. Из наших ещё Вадик и Алёнка подтянутся, остальных ждём.

– Вот познакомьтесь, – Лёша чуть подтолкнул Саню вперёд. – Это и есть наш новый боец, Саня Лаптев. У которого брат...

– Лёша, о делах пока рано! – вмешалась Лиска. – Подождём остальных...

Время текло по чайной ложке, и это вынужденное безделье давило на мозги. Волно-резовцы подходили и поодиночке, и группками, здоровались, увидев знакомых, весело болтали. Когда же все соберутся? Чем-то это напомнило Сане то нервное ожидание, когда у тебя день рождения, ты пригласил кучу гостей, а их всё нет и нет... и ты вибрируешь, ты хватаешься за телефон – и сбрасываешь звонок, чтобы не показаться назойливым... и думаешь, что все про тебя забыли, и вид накрытого стола вызывает злость, но тут начинают трезвонить в дверь...

– А к нам не привяжутся всякие там? – на всякий случай шёпотом спросил он у Димы.

– Кто? – удивился тот.

– Ну... гопники местные. Или менты... Такая толпа детей, человек пятьдесят... и без взрослых...

– Уже пятьдесят три, – уточнил Дима. – Не привяжутся. Ты коснись волшебства. Ничего не чувствуешь?

– А что я должен чувствовать? – осторожно спросил Саня.

– Как наши работают. Вот видишь, там рыжая девчонка такая? Это Юлька Скворушкина из «Тасмании». А вот левее – Прасковья Шубина, оттуда же. Она всегда требует, чтобы её называли полным именем, не терпит сокращений. И чуть подальше такой толстый пацанчик, Игорь Могилевский. Так вот, они втроём держат над всеми завесу невнимания.

– Невидимости? – поправил его Саня.

– Нет, невнимания! – терпеливо пояснил Дима. – Невнимание – это когда нас видят, только мы всем по фиг. Например, если кто-то на велике в нашу сторону поедет, то увидит и обогнёт. А если бы завеса невидимости, то впилится бы. Между прочим, завесу невнимания держать сложнее. Странно, да? Это потому что расход силы совсем никакой, и легко можно отвлечься, снизить до нуля. А потом спохватишься, добавишь лишнего – и получится невидимость вместо невнимания. Ну это примерно как варить варенье на самом слабом огне... зазеваешься, и комфорка погасла. Вообще, ты запомни: сложное волшебство часто как раз особой силы не требует, наоборот... Вышивать крестиком труднее, чем копать ямы, хотя нагрузка на мышцы вроде никакая.

– Ты что, сам варенье варишь? – поразился Саня Диминой разносторонности.

– Ага! – кивнул тот. – Бабушка научила. Дело, между прочим, полезное... сам ведь знаешь, как восстанавливаются после перегруза. У правильного волшебника всегда должны быть сладкие припасы!

– Привет! – хлопнули Саню по спине, и тот резко обернулся. Весело скалилась мелкая Катька Дроздова из «Лунного пламени» – которую он полтора месяца назад совсем уж собирался спасать.

– Привет! – улыбнулся в ответ Саня. – Как твой парануклеоз?

– Прогрессирует! – ответила за младшую сестру Таня. – Точнее, это у нас воспаление хитрости. С осложнениями на наглость.

– Вот так, – заметил оказавшийся рядом Ванька, – старшие всегда обижают младших! Видят в них самое худшее! Низводят и курощают! Надо в «Волнорез» жаловаться, мы, ребёночки, страдаем же.

– А если по-настоящему пострадать? – прищурилась Таня Дроздова.

– Это как? – осторожно поинтересовался Ванька.

– Это по шее, – доброжелательно объяснила девушка.

– Не, я – пас, – Ванька на всякий случай отошёл подальше.

– Всё, время! – командным голосом произнёс Лёша. – Народ, все в сборе, больше уже никто не подтянется. Давайте начинать. Если я буду вести, нет возражений?

– Да веди уж, раз взялся! – слышалось из толпы.

Толпа, впрочем, разместилась с умом – на огромном газоне, между цветочными клумбами. Не асфальтовую же дорогу перегораживать! А тут можно и на травке посидеть, и никакая собачка не задерёт на тебя заднюю лапку – потому что от собачек включили другую волшебку, «отгонялочку», как называл её Ванька. «Бывают пугалочки, а бывают отгонялочки, – со знанием дела объяснил он. – Если отгонялочка, то собакам тут просто не по кайфу будет... ну как людям, когда сто тонн мусора лежит и пахнет». Ваньке, кстати, и поручили держать отгонялочку – волшебку не слишком сложную, но требующую аккуратности.

Едва только Лёша набрал воздуха и приготовился начать, у Сани зажужжал смартфон.

– Да, папа, – недовольно зашептал он в трубку. – Нет, не в школе. Нет, обедать не приду, у меня дела срочные. В Следственный комитет? Не могу сегодня! Потом объясню! Нормальный у меня тон! Нет, ничего со мной не случилось, мутанты не украли и не сожрали. Я занят, понимаешь? Вот именно, в такой день! Да пожалуйста! Да хоть ломом! Только потом, ладно? Всё, я отключаюсь! И не названивай каждые пять минут! Со мной всё будет в порядке! Пока! – и нажал кнопку отбоя.

– Папа звонил! – вполголоса сообщил он сидящим рядом Диме и Лиске. – Говорит, в четыре часа надо в Следственный комитет пойти, снова рассказывать, как всё вчера было. Короче, поругались. Наверное, выплет вечером. Но мне по фиг! Потому что если Мишка найдётся, уже не до того, а если не найдётся, то уже без разницы...

– Успокоились? Можно начинать? – цыкнул на него Лёша. – Короче, народ, ситуация такая: вчера, примерно без четверти пять, какой-то мутный перец увёл из детсада братика нашего Сани Лаптева. Братика зовут Мишка, ему четыре года. Воспиталка приняла этого перца за Саниного папу. Что важно, мелкий не орал, а спокойно с ним пошёл. Ну, конечно, потом все забегали, полиция возбудилась, но пока без толку. Саня пытался запеленговать брата, но он пока ещё неопытный, у него не получилось.

– Получилось понять, что Мишка жив! – вставил Саня.

– Ну, тоже результат! – заметил Генка из «Лунного пламени».

– Я продолжаю, – чуть повысил голос Лёша. – Наш отряд «Ладонь» с такими делами раньше не сталкивался. Поэтому решили собрать по тревоге всех. Во-первых, все вместе мы возьмём точный пеленг. Во-вторых, сразу начнём операцию по спасению. А такая операция может быть опасной. Лариса, я прав?

– Более чем! – поднялась с травы худая блондинистая девчонка с короткими, до плеч, волосами. На вид ей было лет пятнадцать.

– Лара, представься, плиз, не все тебя знают! – попросил Лёша.

– Лариса Моховикова, отряд «Волкодав», – чётко отрапортовала девчонка. – До выборов временно исполняю обязанности командира... потому что неделю назад наш Вовчик таки состарился и увистал на пенсию. По теме отвечаю: в прошлом году... вернее, в позапрошлом декабре, мы с похожей пакостью дело имели. Опекали одну девочку... обычный проект, семья трудная, девочка сложная... но у девочки семилетняя сестрёнка была.

«Была!» – иголкой в сердце кольнуло Саню прошедшее время. А Лариса продолжала:

– И вот в декабре младшая, Маришка, пропала. Причём там такая семейка, что хватились только через два дня. Короче, мы начали искать, своими силами, общий сбор не объявляли, потому что всё казалось не очень сложно. Легко взяли пеленг... а вот дальше начались проблемы. Оказался какой-то закрытый объект под Москвой, в районе станции Икша. Как бы военная часть, но на самом деле что-то совсем другое. Все дела – бетонный забор, колючка под током, видеокамеры, собаки. Ну, мы обозлились, пошли на штурм. Собак погрузили в сон, в сеть им пустили вирусок, так что видеокамеры уже ничего реального на пока-

зывали, забор по воздуху взяли, друг друга перенесли... В общем, это всё лишние детали. Суть в чём – это была какая-то очень крутая банда, с такой крышей, что мама не горюй. Они похищали детей, причём здоровых, но из неблагополучных семей. То есть из таких, что пороги в ментовках обивать не будут и прессу на уши не поставят. А детей – на органы, в частные клиники. Мы там нескольких ребятишек в подвале нашли... на этой базе. Короче, пришлось повоевать... и это плохо кончилось для наших. Неприятная история, не хочу даже говорить... короче, одного у нас подстрелили. К счастью, не очень тяжело, в руку... а с другим хуже вышло. Некоторые тут знают, а кто не знает, значит, тому и не надо. Детей, конечно, вытащили, развезли по домам... повезло, что все оказались московские или подмосковные.

Несколько долгих секунд все молчали. Потом заговорил Лёша:

– Спасибо, Лара! В общем, видите, что силами одного отряда слишком опасно. Тут если что-то похожее, то каждого штурмующего как минимум двое должны прикрывать. Так что я не зря объявил сигнал «999». Но и фанатизма-героизма тоже не надо. Нас тут пятьдесят семь человек, это много... поэтому у кого какие-то срочные дела, или дома серьёзные траблы, или что-то такое – не выпрыгивайте из штанов, не лейте мешки крови. Кто сможет, тот сможет, кто не сможет, тот в другой раз.

– Да понятно всё, хватит лирики, – подал голос плотный очкастый парень в белых бриджах. – Давайте уже пеленговаться. Предмет-то хоть есть?

– Вот! – Саня вынул из рюкзака и поставил на траву рыжего зайца. – Любимая Мишкина игрушка, он без этого монстра не засыпает.

– Это хорошо, значит, эмоциональная привязка мощная, – улыбнулся парень. – Ну давайте, я начну.

Он взял на руки зайца, слегка прижал к себе, напряжённое лицо его на мгновение разгладилось – и Саня подумал, что сейчас этот незнакомый пацан похож на себя лет десять назад. Может, был у него такой же любимый заяц... или волк...

– А вот интересно, – задумчиво протянул парень, – хоть кто-нибудь подумал притащить карту Московской области? Вы как вообще собирались? Два лаптя к норд-весту?

Упоминание о лаптях неприятно кольнуло Саню.

– Вот обо всём приходится самому заботиться, – продолжал ворчать парень, вытаскивая из рюкзака сложенную в несколько раз карту, гидравлический компас, циркуль, транспортир, карандаши, деревянную линейку. Разложил карту на примятой траве. Задумался на минутку. – Вот примерно так... отсюда километров сорок пять, может, сорок семь. Направление – северо-северо-восток... – Он покрутил компас. – Азимут примерно тринадцать.

И тут азимуты! – поёжился Саня. Мало они с Максом поблуждали тогда на турслёте... теперь снова. Впрочем, наверняка парень в азимутах разобрался.

– Это кто? – шепнул он Диме.

– Антон Барабаш, командир «Волков», – вполголоса пояснил тот. – Крутой волшебник... и математикой серьёзно занимается, всероссийские олимпиады решает как нечего делать.

– А почему их отряд так называется? – удивился Саня. – Почему именно волки?

– Не волки, а волк. В единственном числе, – растолковал Дима. – Расшифровывается как «**Вол**шебная **Ко**манда». Но иногда их и во множественном числе расшифровывают. «**Вол**ки» – **Вол**шебная **Ко**манда **Ин**теллектуалов. У них так исторически сложилось, что больше всех ботанов. И больше половина их отряда входит в «Волну». Ты про неё в курсе?

Саня кивнул.

– Ну что, кто следующий? – пригласил очкастый Барабаш.

– Давайте я, что ли, – вызвалась Лариса. Подхватила зайца, прижала к себе... тоже на мгновение впала в детство. Потом взяла у главного Волка компас, покрутила, подумала.

– Азимут восемнадцать, расстояние пятьдесят кмэ.

– Отмечаю! – склонился над картой Антон.

– Вы б на асфальт перебрались, с картой, удобнее же! – предложила Аня. – А ребята и там подержат завесу! Димка! Включил бы уж людскую отгонялочку!

– Уже! – ухмыльнулся Дима.

– Теперь давайте я, – сказал Лёша и взял у Ларисы зайца. – Так-так... Азимут пятнадцать... нет, четырнадцать с половиной, расстояние сорок восемь. Антоха, ставь мою точку!

Потом зайца тискали Гена из «Лунного пламени», Танька Дроздова, Денис Мельников из «Тасмании», ещё какая-то строгая, похожая на училку, девчонка в очках, конопатый худенький Вася из отряда «Шеврон» – на вид ему едва было тринадцать, но Дима шепнул: на самом деле пятнадцать с половиной, и скоро ему уже уходить «на пенсию». Карта покрывалась расположенными близко друг к другу точками.

– Я тоже хочу! – поднял руку Саня, но Дима дёрнул его сзади за выбившуюся из шортов футболку.

– Сиди! Ты видишь, ни Лиска не рвётся, ни я, ни Серёга... о мелких уже и не говорю. Чтобы метод сработал, нужно, чтобы точки ставили волшебники примерно равной силы. То есть чтобы ошибки в каждой точки были примерно одинаковыми. А твоя точка будет с другой ошибкой и всю их математику ломает.

Антон между тем что-то вымерял по карте, вычерчивал, проводил циркулем еле заметные окружности.

– Ну что! – в конце концов выпрямился он. – Район станции Клязьма по Ярославской дороге. Чуть к западу от неё, в радиусе километров трёх-четырёх. Надо туда ехать, на месте уж определимся с полной точностью.

– Всё, снимаемся и погнали! – распорядился Лёша. – Сейчас уже четвёртый час... успеть бы до темноты вернуться...

И никто не усомнился в его праве командовать. Даже ворчливый математик Барабаш.

8.

До метро топали минут двадцать, в пути молчали, но это молчание не так мучило, как раньше – ведь уже началась полезная работа. Что бы ни стряслось с Мишкой, в каких бы подземельях он ни томился – ему на выручку шёл весь московский «Волнорез». Ну, пусть и не весь, но тридцать человек, огромная сила, если вдуматься. А если не вдумываться, если поглядеть со стороны – просто идёт по парковым аллеям большая толпа подростков. Конечно, прохожие могли задумываться: а чего это они вместе собрались? Возраста разные, на футбольных фанатов не похожи, и не скауты вроде – галстуков нет. Школьников из глубинки привезли насладиться Москвой? А где же взрослые? Но никто не задумывался, потому что завесу невнимания держали по-прежнему.

– У тебя деньги на метро есть? – участливо спросил Дима.

– Ага! – кивнул Саня. – А у тебя нет? Одолжить?

– Не тупи! – Дима засмеялся. – Храните ваши денежки по банкам и углам. Мы все пройдем так, на халяву. Простейшее волшебство, расход силы практически нулевой. Кладёшь ладонь на турникет, образ цели – что ты прошёл. И шагаешь себе.

– А как же правило номер два? – поразился Саня. – Разве это не использование волшебства в личных целях?

– Конечно, нет! – Дима рассмеялся. – Мы же сейчас работаем. Ребёнка спасаем. А значит, можно всё. Ну, в разумных пределах, конечно, потому что правила номер раз никто не отменял.

В вестибюле станции «Измайловский парк» никто на их толпу внимания не обратил. Ну, дети, ну, много, ну, едут куда-то – значит, так надо. И не свистели тётки-дежурные, не выбегали полицейские – подумаешь, вместо карточки ладонь приложили! Не наше дело!

На Ярославском вокзале было то же самое. Охранники в чёрной форме РЖД скучающе смотрели, как турникеты послушно пропускают подростков-безбилетников.

– И контролёры мимо нас пройдут! – успокоил Дима. – Ты даже сам ничего не делай, не траться. Ребята завесу держат, по очереди.

Пришлось, правда, подождать минут пятнадцать – подходящая электричка уплыла у них прямо из-под носа, не хватило нескольких секунд.

– Мелкая станция, на ней редко останавливаются, – пояснила Лиска. – Я знаю, часто тут езжу, у нас же по этой дороге дача.

В электричке, несмотря на будний день, оказалось довольнолюдно. Свободные места были, но не так, чтобы на тридцать два человека в одном вагоне.

– Врубим отгонялочку? – прищурился Антон Барабаш. – Не стоит нам по всему составу разбредаться.

Сказано – сделано. Спустя минуту пассажиры, мрачно осматриваясь и принохиваясь, похватили свои вещи и направились в другие вагоны – а на освободившиеся места сели волнорезовцы.

– Как-то нехорошо получилось... – вздохнула Лиска, когда потянулись за окнами заборы, деревья, темно-красные кирпичные здания. – Людей прогнали... и, по правде сказать, вовсе без необходимости! Можно было и постоять, до Клязьмы сорок минут всего...

– Всё правильно! – возразил Дима, устроившийся у окошка, напротив Сани. – Ты вот прикинь, если омовцы на трамвае поедут преступников задерживать... и всей толпой будут у водителя билетки покупать... и уступать место бабушкам, напрягать ноги... а этими ногами им, между прочим, скоро придётся бегать и прыгать. На всю мощь! И потом, никому ведь хуже не стало. Им, людям, не по фиг, в каком вагоне ехать?

Сане было не до этой перепалки – которой уже по счёту между Димой и Лиской. Он глядел в окно, а видел вовсе не дома и деревья... в мозгу прокручивались совсем другие картинки. Вот высокий, метра четыре, забор с витками спирали Бруно поверху. Вот девочка Лариса, одетая как сейчас – лохматые джинсовые шорты, голубая майка с рисунком летающей тарелки... она строго смотрит на пацана тоже лет пятнадцати, прыщавого, с гривой волос... и пацан медленно поднимается в воздух, проплывает над колючкой, приземляется по ту сторону... прямо как Саня в тот первый раз в штабе. А потом работает уже пацан, и Лариса плывёт к нему по воздуху. Разумное решение – если уж волшебники не умеют летать сами, то по крайней мере могут переносить друг друга. А другой пацан, вот тот мелкий в белой футболке, что сидит сейчас через два сиденья впереди, в компании волкодавских... он водит ладонями перед своим лицом, и видеокамеры слепнут, датчики периметра гложут...

Хотя, конечно, всё было не так. Никакой летней одежды – всё происходило в декабре. И выглядели ребята помладше – ведь полтора года назад! И этот мелкий в белой футболке и синих спортивных, скорее всего, тогда ещё понятия не имел о «Волнорезе» – ему и сейчас-то на вид не больше, чем Ваньке...

Но это всё мелочи, не это важно. А вот сорок пять детей в бетонном подвале, в стеклянных шарах... стоп, при чём тут стеклянные шары? Почему сорок пять? С чего вдруг такая глупость лезет в голову? Просто бетонный подвал... интересно, а куда они писали и какали? И чем их кормили? Ведь если собирались разрезать на органы, то вряд ли до операции морили голодом! А что им говорили? Знали ли дети, что их ждёт? И чем занимались? Всё время плакали? Или те, кто постарше, утешали совсем уж мелких (как Мишка!), веселили их, рассказывали сказки со счастливым концом?

Счастливый конец всё-таки получился... или не очень счастливый, судя по тому, как Лариса быстро закрыла тему.

– Не раскисай! – сунулся к нему Ванька. – Всё будет окейно, Мишку найдём, гадов уроем... думаешь, правило номер раз такое уж непробиваемое? Можно ведь не убивать и не калечить... но такую волшебку им запустить, что слезами умоются!

– Не приставай к человеку! – строго одёрнул его Серёга. – А то кое-кто сейчас прямо тут, в проходе, отжиматься будет!

– Да легко! – согласился Ванька. – Только чур потом ты с мамой объясняйся, почему у меня майка спереди грязная...

Где-то после Мытищ вошли контролёры – две толстые тётки в лиловых жилетах и небритый мрачный охранник в чёрном. Повертели головами, поморщили носы – и спешной походкой направились в следующий вагон.

– Классная отгонялочка! – прокомментировал Ванька. – Видел, как принохивались? Им, наверное, показалось, что тут мамонт издох и разложился.

– Отгонялочку, значит, почуял, – усмехнулся Дима, – а что Олежек Сулимов из «Лунного пламени» завесу на всех держал, нет? Да если бы нас контролёры заметили, плевать им на вонизм!

– Вы бы лучше приготовились! – вмешалась Лиска. – Скоро уже Клязьма будет... сейчас мы Челюскинскую проехали, потом Тараска – и на выход!

На станции Клязьма было почти пусто – если не считать нескольких помятых мужичков, которые плевать хотели на вывалившуюся из вагона толпу детей.

– Всё, народ, теперь аккуратно! – скомандовал Лёша. – Не орать, не возиться. Кто-нибудь, подержите невнимание. Сейчас найдём какое-то местечко потише, снова запеленгуемся.

Местечко потише нашлось довольно скоро – небольшая рощица, вернее, лесополоса между дачным посёлком и шоссе. Саня вновь достал рыжего зайца, а Антон – чёрный нетбук.

– Та карта уже не годится, масштаб мелковат, – объяснил он. – Сейчас будем по-взрослому работать, то есть по гугловой карте. Вайфай тут, конечно, совсем никакой, придётся по 3G в сеть лазить.

И опять старшие тискали Мишкиного зайца, гладили, баюкали. А Саня сидел на траве и рассматривал смартфон, у которого он предусмотрительно отключил звук. Три неотвеченных вызова – два от папы и один от мамы, грозная папина эсэмэска: «Что происходит? Ты где? Совсем совесть потерял?» Пришлось отбить ответ: «Всё в порядке, я с друзьями, сильно занят, вечером буду. Совесть при мне».

– Ну вот, это уже конкретно, – весело объявил Антон, захлопывая нетбук. – Отсюда два с половиной километра к западу, азимут триста пять. Судя по гуглу, там дачный посёлок.

– Теперь так, – сказал Лёша. – Идём сейчас всей толпой, только под невниманием, но на подходе к посёлку врубаем завесы невидимости. Там, кстати, может быть полно народу, поэтому основная масса стоит в каком-нибудь удобном месте, на ходу сориентируемся. А небольшая группа – на разведку. Погуляем вокруг нужного дома, изучим обстановку, и тогда уже решим. Группу предлагаю небольшую. Я сам, Лариска, Димка Якушев, Славик Усольцев...

– И я тоже! – решительно заявил Саня. – Иначе с ума тут сойду. Обещаю, что буду слушаться и не путаться под ногами.

– Хрен с тобой, золотая рыбка, – вздохнул Лёша. – Ладно, пойдёшь с нами. Но помни – никакой самостоятельности. Подошли, обнюхали, и назад, к родному коллективу.

– И настройтесь на подпитку! – добавил Антон. – Лучше сразу распределить, кто кого кормит.

– Это что? – Саня дёрнул Диму за локоть. – Что такое подпитка?

– Это вы не проходили, это вам не задавали! – пояснил Дима. – Короче, один волшебник может другого силой запитать, если у того иссякнет. Типа как провод от одного до другого кинуть. А если тебе кинули сразу много проводов, то силы немерено будет, успевай только тратить. Обычно когда настоящую невидимость включают, то подпитываются дистанционно. Правда, очень далеко не выходит, метров триста, хорошо если пятьсот. Чтобы подпитаться, сперва надо законнектиться. Вот кто тебя питать будет?

– Я! – хором вызвались Лиска и Ванька.

– Лучше Ванька, – решил Дима. – Силы много, мозгов мало. Хоть какая-то польза. А Лиска – в резерве.

– Почему это я в резерве? – вскинулась та. – Чем я хуже?

– Потому что прекрасная дама! – парировал Дима. – Подпитывать силой – работа тяжёлая. А прекрасные дамы не копают ямы.

Лиска вспыхнула – но замолчала. То ли не нашла от возмущения слов, то ли примеряла к себе выражение «прекрасная дама».

– Теперь так, – деловито пояснил Дима. – Включай волшебство, представляй его так, как для себя видишь. Возьми Ваньку за руку – для настройки нужен физический контакт. Ванька, врубай своё волшебство. Готовы оба? Теперь тянитесь своими волшебствами друг к другу. Представьте в уме эту картинку.

Саня представил. Сперва ощутил, как бьётся в Ванькиной груди обычное сердце... а внутри этого сердца из крови и мышц – светящийся шарик... только не белый. А какой же? Точно! Зелёный! Как новогодняя ёлка, или крокодил, которого не существует. И от Санькиного белого шарика к этому зелёному тянется луч... нет, не луч даже, а рука... тоже белая. И оттуда тянется другая... тёмно-зелёная... ладони хлопают друг по другу, пальцы сцепляются, и... И всё. Связь установлена. Законнектились.

– Руки можно расцепить, – напомнил Дима. – А то вы будто малыши на прогулке в детсаду.

При этих словах Саня вновь вспомнил вчерашний вечер. Нервная воспиталка Ольга Степановна, песочницы и грибки на участке, розовощёкий Вадик Зайцев, не выговаривающий сразу и «р», и «л». «А Мишу куд'явый дядя заб'яй. В чёйных штанах».

Он глубоко вздохнул. Не время раскисать, не время!

– Все настроились? – скомандовал Лёша. – Тогда погнали! Андрюха и Юля, невнимашку держите? Ну отлично. В темпе!

До посёлка дошли за полчаса. Не пришлось, как тогда на турслёте, то и дело крутить компас, вымерять азимут – к посёлку, как и обещала карта в нетбуке Антона, вела двухполосная асфальтовая дорога. Иногда по ней проносились машины, а пешеходов не встретилося ни одного.

– Так, вот оно, кажется! – поднял руку Лёша. – Остановились, надели завесы. Теперь ищем место для стоянки.

И тут же прогудел, точно муха, поставленный на виброзвонок смартфон. Саня прочитал очередную эсэмэску: «Немедленно домой! Необсуждаемо!», отбил ответ: «Пока не могу. Буду позже».

– Да, кстати, – напомнил Лёша. – Разведгруппа, отключите телефоны. Неслышка на телефонные звонки не распространяется, – пояснил он Сане. – Да и вообще, я читал, есть такие охранные системы, которые на телефон реагируют. Видеокамера тебя не увидела, собака тебя не почуяла, сигнализацию ты не зацепил – а вот по невыключенному мобильнику спалился.

Подходящее место нашлось довольно быстро. Глубокий овраг, заросший молодым ивняком и крапивой, по дну бежит маленький ручеек. Всё бы ничего, но сколько же тут было мусора! Рваные пластиковые пакеты, бумага, пивные бутылки, тряпки...

– Неприятность эту мы переживём, – усмехнулся Антон. – Люди, располагайтесь. Держим каждый свою завесу, а Пашка и Лёнька сделают отгонялочки. Пашка от людей, а Лёнька от собак. А то представьте, дачники псов своих могут выгуливать, а тут мы... Ладно, разведка, ни пуха!

– И тебе того же по тому же месту, – широко улыбнулся Лёша. – Пошли. Аккуратненько. Никуда не торопимся, солнце ещё высоко.

Солнце, конечно, было высоко, но время близилось к шести. Интересно, мама ещё в больнице, или уже вернулась домой? И бегаёт по стенкам, поскольку ещё и старший сын пропал. Впрочем, эсэмэски же он кидал, знают, что ничего с ним не случится. И вообще, не о доме нужно думать, а о Мишке. Саня вновь погладил белый шарик, представил образ цели. То, что приходилось одновременно держать завесу, не сильно мешало – всё-таки сейчас он вовсе не тот неопытный волшебник, что угробил всю силу на утешение ревущей девчушки... с тех пор прошёл целый месяц, и он многому научился.

С Мишкой всё оказалось в порядке – то есть жив, и ничего не болит. Даже удалось разглядеть цветок его эмоций, правда, едва-едва, как через очень грязное стекло. Синяя тоска, оранжевый страх, красная обида...

– Вроде вот оно! – тихонько проговорил Лёша, указывая на ворота. – Солидно тут у них.

Действительно, было солидно. Дачный посёлок ограждал высокий, метра в три, забор из частых железных прутьев, опутанных сверху колючей проволокой. За забором виднелись деревья, а уже за ними смутно угадывались дома. Похоже, участки здесь огромные... пятнадцать овсянниковских соток здешним обитателям показались бы жалким клочком земли.

Прямо по курсу располагались ворота. Стальные, выкрашенные в тёмно-синий цвет. Перед воротами – полосатый шлагбаум, а за ними – будочка охраны. И даже не будочка, а хоть и маленький, но всё же домик.

Одного охранника даже удалось разглядеть – здоровенный, как медведь, форма чёрная, похожая на ту, что у охранников на железной дороге, только поперёк спины надпись жёлтыми буквами: «ЧОП Волкодав».

– Позорят наше славное имя! – возмутилась Лариса.

– Остынь, – возразил спокойный, похожий на бобра из первого фильма про «Нарнию» Славик Усольцев. – Во-первых, у вас нет монополии на это название, во-вторых, почему позорят? Работают люди, охраняют, получают зарплату... с чего ты решила, что они заодно с похитителями?

– Всё равно надо их как-то нейтрализовать! – заявила Лариса. – Мы ж так просто по невидимке не пройдем, надо же калитку открывать, у них электроника работает...

– Лёха, можно я? – вызвался Дима. – Сейчас всё сделаю.

Он застыл на месте, лицо его вытянулось, а пальцы шевелились, будто перебирал ими по дырочкам флейты. Потом выдохнул:

– Всё, минут десять им точно не до нас будет! Пошли! – и первым направился к калитке, потянул на себя – и та послушно открылась.

– А что ты сделал-то? – шёпотом поинтересовался Саня, когда все пятеро зашагали по широкой, асфальтовой улице с табличкой «Сосновый бульвар».

– Короткое замыкание, – расплылся в шkodливой улыбке Дима. – Так что все их камеры надолго ослепли, все электронные замки отключились. Они сейчас, наверное, спецов вызывают. Но пока те приедут... короче, нам времени хватит.

– Доставай зайца! – велел Лёша. Потискал рыжего – и уверенно сказал: – Ну, понятно. Вот там он... метров пятьсот ещё. На таких коротких дистанциях уже и без компаса можно обойтись.

Чем ближе они подходили к дому, тем наглее бежали у Сани по спине мурашки. Дышать стало тяжело, сердце долбило в рёбра, как псевдогигант из «С.Т.А.Л.К.Е.Р. а» по стальной двери в лаборатории Х-18. Очень хотелось побежать, но приходилось двигаться медленным прогулочным шагом. Примерно так, как, по мнению его первой учительницы Валентины Андреевны, полагается гулять на переменах образцовым первоклашкой.

Всё кончается, кончилась и неспешная прогулка: впереди нарисовался нужный дом. «Искомый», как выразилась бы математичка Маргарита Ильинична. Был он на вид не особо внушительный – всего два этажа и двускатная крыша. Не то что похожие на старинные замки коттеджи, которые здесь достигали и трёх этажей, и даже четырёх, если считать увенчанные острыми шпилями башенки. Нет, обычный дом – но просто большой, сложенный из белого кирпича. С виду вроде не крепость...

Впрочем, как следует дом был виден лишь издали, и только потому, что дорога шла чуть в гору. А вблизи их разведгруппа упёрлась в мощный бетонный забор, высотой по меньшей мере в два человеческих роста. Причём человеческих – это значит не какого-нибудь там мелкого Ваньки, а вполне себе долговязого Лёши. По верху колючей проволоки не было, зато имелись заострённые стальные колья, более всего напоминающие наконечники копей.

Впрочем, были тут и ворота – выкрашенные чёрной краской створки вплотную примыкали друг к другу, и никакой калитки рядом не просматривалось.

– Сюда, наверное, пешком вообще не ходят, только на машине, – проследив его взгляд, заметил Дима. – А ворота открываются электромотором... и если опять устроить замыкание... очень коротенькое...

– Не спеши! – тормознул его Славик. – Давайте обойдём забор по периметру, изучать так изучать.

Лёша согласился – и пришлось пуститься в кругосветное путешествие. Точнее, кругозаборное. Здесь, в отличие от Семиполя, участки не примыкали друг к другу, разделённые общим забором, а тянулись между ними не слишком узкие проходы, засаженные кустами

сирени и жасмина. Путешествие, как показалось Сане, заняло немало времени – территория-то приличная. Соток, наверное, сто... а может, и все двести. Сквозь забор мало что удавалось разглядеть – разве что высокие ёлки и берёзы да тёмно-синюю крышу дома. Зато нашлось интересное – с противоположной стороны в заборе была высокая и узкая калитка. Но ни кнопки звонка, ни дверной ручки.

– Тоже, наверное, с пульта открывается, – предположил Лёша. – Теперь надо на ту сторону. Как будем действовать?

– Ну, только полная невидимость, – заметил рассудительный Славик и поправил сбившуюся набок бейсболку. – Тут же сто пудов и видеокамеры, и собаки. Собак я чувствую, причём без всякого волшебства. У меня с ними большая светлая любовь. Но, кстати, если внутрь пойдём, придётся их усыпить.

– Насмерть? – поразился Саня. Вспомнилось, как полтора года назад в Краснодаре возили они к ветеринару дряхлого спаниеля Чака. Тот уже не мог двигаться, задние лапы парализовало, и каждый день приходилось делать обезболивающие уколы... но становилось всё хуже и хуже. В конце концов папа решился.

– Я с тобой! – заявил Саня. – И это необсуждаемо!

– Что ж, – папа взлохматил ему волосы. – Тогда поехали. Но только уговор: не реветь.

От рёва он тогда удержался, но до последней минуты гладил Чака по тёплой спине. Потом они завернули его в большой пластиковый пакет и пешком отправились в парк. Предусмотрительный папа, как выяснилось, захватил с собой сапёрную лопатку. А Саня соорудил на этом месте пирамидку из камней.

– Чтобы не забыть! – объяснил он папе.

Мишка, едва научившийся тогда говорить уже не отдельными словами, а фразами, недели две не отставал: «Где Чак?» «Чак улетел?» «Когда Чак приедет»? И нечего было ему ответить.

– Ну ты и садист! – усмехнулся Славик. – Усыпить – это значит, чтобы уснули и видели свои собачьи сны. На пару часов. Очень простая волшебка. Человека усыпить бывает сложнее.

– Между прочим, видеокамеры у них наверняка и наружу направлены, – спохватился вдруг Лёша. – Нас уже сто раз могли срисовать, простая завеса от видеослежки не спасает!

– Фигня вопрос! – заявила Лариса. – Они ж не сидят круглосуточно перед мониторами. Всё пишется, потом выборочно смотрят. Ну и значит, достаточно уронить им серверок. Сейчас сделаю, а Ленка меня подпитает.

Она застыла, напряглась, скулы на загорелом лице заострились. Потом она виноватым тоном произнесла:

– А вопрос-то не совсем фигня! Как бы не получилось. Чем больше давлёшь, тем больше силы требуется. Если дальше так продолжать, то и сама пустая останусь, и Ленку насухо выпью.

– Дай-ка я попробую! – хмуро сказал Лёша и сосредоточился. – Ага... вроде получается... – сообщил он через минуту. – Но до сервера я тоже не добрался. Там, по ходу, какая-то защита стоит. Я проще сделал, подал напряжение в триста восемьдесят, сгорели у них эти камеры. А с сервером так не вышло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.